

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

HDI
HL JRD0 K

HARVARD
LAW
LIBRARY

A7

Yenozhinskiy, V.

Smertnaya Kazn'

HARVARD LAW LIBRARY

Received

APR 1 1932

Вячеславъ Веножинскій.

Смертная казнь

и терроръ.

(докладъ В. І. Веножинскаго въ Русскомъ Собраніи 22 февраля
1908 года).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Отечественная Типографія. Подольская, 34.
1908.

APR 1 1932

Смертная казнь и терроръ.

(докладъ В. І. Веножинскаго въ Русскомъ Собраніи).

Введение.

Цѣль доклада.

Приступая къ разсмотрѣнію вопросовъ о смертной казни и террорѣ, я имѣю въ виду главнымъ образомъ потребности переживаемаго нами времени. Поэтому, я не нахожу нужнымъ утомлять Ваше вниманіе излишнимъ перечисленіемъ и характеристикой всѣхъ выдающихся сочиненій за и противъ смертной казни, —различныхъ направленій и школъ, которыя рождались и умирали въ ту или иную эпоху, смѣняя одна другую. Я считаю важнымъ прослѣдить не исторію литературы по данному вопросу, но исторію самаго вопроса. Я поставилъ цѣлью настоящаго доклада разсмотрѣть тѣ причины, факторы, которые являлись источникомъ обильныхъ казней въ различныхъ эпохи, —посмотрѣть сохранились ли эти причины въ настоящее время, и если онѣ не сохранились, если онѣ исчезли, то не народились ли, къ сожалѣнію, новыя, и какія именно?

Я считаю нужнымъ прослѣдить, далѣе, причины распространенія на Западѣ и у насъ, въ Россіи, *организованнаго убійства—террора*, создавашаго настоящее положеніе вещей, до того морально невыносимое, что русская нація, русская общественная мысль, литература, православная христіанская вѣра, русскія учебныя заведенія, —та власть, которая должна быть въ Россіи русской—исполнительная и судебная, —вся духовная жизнь наша подавлена и забита въ уголъ, какъ „черносотенная“, „реакціонная“, „ненужная“, а на ея мѣсто медленно и упорно воздвигается новое Царство—Израильское: царство партій, мелкихъ честолюбіи и авантюристовъ...

Вотъ почему, въ интересахъ времени

и момента, мнѣ поневолѣ приходится сократить свой докладъ, выкинуть изъ него цѣлый рядъ научно интересныхъ, но чисто теоретическихъ ученій, —ограничиться краткой характеристикой литературы по вопросу о смертной казни и прямо перейти, затѣмъ, къ исторіи самаго вопроса.

Литература.

Изъ выдающихся, въ 19 вѣкѣ, сторонниковъ смертной казни за *тяжчайшія* преступленія, я долженъ назвать слѣдующихъ:

Джонъ Стюартъ Милль, —англійскій ученый, извѣстный мыслитель—позитивистъ, и депутатъ англійскаго парламента.

Въ 1868 году, въ палатѣ депутатовъ, при обсужденіи проекта о *полной* отмѣнѣ смертной казни, Д. С. Милль выступилъ неожиданнымъ противникомъ подобной отмѣны.

Милль доказывалъ, что „разъ преступникъ совершилъ *тяжчайшее* преступленіе, и нѣтъ никакой надежды, что въ будущемъ онъ окажется болѣе достойнымъ жизни, и даже можно предвидѣть, возможность дальнѣйшихъ преступленій, —то обществу не остается болѣе подходящаго и дѣйствительнаго средства самозащиты, какъ лишить преступника жизни, которой онъ оказался недостойнымъ“... „Смертная казнь“, говорилъ Милль, „гораздо менѣе жестока, чѣмъ пожизненное тюремное заключеніе, являющееся медленной и мучительной смертью“...

Надо сознаться, господа, что доводы эти, съ точки зрѣнія научной не представляютъ интереса и достаточной убѣдительности, —но знаменательно то, что такой либеральный, наблюдательный прак-

тикъ и добросовѣстный ученый, какъ Д. С. Милль, не отнесся легкомысленно къ вопросу, оцѣнилъ сразу важность прозета, его жизненную фальшь и, не убоясь партійнаго осужденія, напелъ нужнымъ подать свой голосъ противъ принятія прозета.

Прозекъ былъ, дѣйствительно, палатой отвергнутъ и казнь за *тяжкія государственныя* преступленія сохранена.

Въ 1871 году, въ Рейхстагѣ Сѣверо-Германскаго Союза, въ томъ же духѣ, какъ и Д. С. Милль въ Англіи, высказался другой, еще болѣе опытный, государственный дѣятель и націоналистъ по убѣжденіямъ — князь *Бисмаркъ* — желѣзный канцлеръ.

Онъ говорилъ, что 1) противники казни больше шадятъ преступника, чѣмъ его жертву, 2) что они, дѣлая различіе между наказаніями въ мирное и военное время, не хотятъ предоставить мирному гражданину больше гарантій личной безопасности, чѣмъ преступнику, и 3) что, наконецъ, опасность лишиться жизни, которой подвергается рабочій во многихъ отрасляхъ производства, гораздо значительнѣе, чѣмъ шансы быть казненнымъ для тяжкаго преступника, — однако же никому не приходитъ въ голову мысль объ уничтоженіи этихъ производствъ; 4) въ движеніи противъ смертной казни, говорилъ Бисмаркъ, — не участвуютъ общество и народъ, — возникло же оно и поддерживается почти исключительно или учеными криминалистами или судьями и присяжными. Объясняется это — болѣзненной сентиментальностью, съ одной стороны, а съ другой — боязнью брать на себя отвѣтственность при назначеніи смертной казни.

Рейхстагъ, послѣ долгихъ преній, несмотря на сильную оппозицію и краснорѣчіе депутата Ласкера, который доказывалъ, что нѣмецкое общество находится въ такомъ положеніи мирнаго преуспѣванія и достигло настолько высокой культуры, что вовсе не нуждается въ огражденіи своей безопасности путемъ смертной казни, — Рейхстагъ, говоря я, внявъ доводамъ Бисмарка и отвергъ этотъ прозекъ, принявъ во вниманіе ту простую истину, что смертная казнь страшна и сѣнительна лишь для *тягчайшихъ государственныхъ преступниковъ*, но отнюдь не для мирныхъ гражданъ...

Далѣе, *Давидъ Фридрихъ Штраусъ*,

нѣмецкій радикальный мыслитель и религиозный критикъ, также отстаиваетъ, въ своемъ сочиненіи «о старой и новой религіи», сохраненіе смертной казни за тягчайшія преступленія.

Другая категорія новѣйшихъ ученыхъ, противниковъ смертной казни, самая обширная въ 19-мъ вѣкѣ — отрицаетъ цѣлесообразность, разумность и необходимость примѣненія смертной казни и за такіа преступленія, отъ которыхъ становится тяжело и неудобно жить въ государствѣ, и очевидцами которыхъ являемся всѣ мы въ настоящую эпоху. Среди этой группы ученыхъ лучшими изслѣдователями признаны:

1) Покойный проф. Кіевского Ун. А. Ф. *Кистяковский*, умершій въ 85 году; его трудъ «изслѣдованіе о смертной казни», фактически матеріаломъ котораго я отчасти воспользовался въ 1-ой части своего доклада — считается, по своему безпристрастію, новизнѣ историческаго матеріала и богатству эрудиціи, «классическимъ», «лучшимъ произведеніемъ во всей европейской литературѣ» по вопросу о смертной казни.

Таково мнѣніе, напр., выдающихся ученыхъ — юристовъ, профессоровъ Сергѣевского, Фойницкаго, Н. С. Таганцева, Бѣлогрица — Котляревскаго и цѣлаго ряда другихъ.

2) Рядомъ съ этимъ трудомъ, но никакъ не выше его ставится сочиненіе нѣмецкаго ученаго *Гетцеля* — «смертная казнь въ ея культурно-историческомъ развитіи».

3) Значительно ниже этихъ трудовъ — произведеніе *Гауса* «Смертная Казнь, ея прошедшее, настоящее и будущее».

Всѣ эти и болѣе мелкіе ученые принадлежатъ къ такъ называемой философско-исторической школѣ, которая смѣнила собою въ исторической послѣдовательности, утилитарно-соціологическое и метафизическое направленіе.

Заслуга этой историко-философской школы заключается въ томъ, что вопросъ о смертной казни она поставила на реальную почву, что въ основу своихъ выводовъ она положила историческія и статистическія данныя, а не отвлеченныя логическія разсужденія о томъ — справедлива ли смертная казнь, имѣетъ ли государство право наказывать, нарушима или нѣтъ человѣческая жизнь, — допускаетъ ли ее ученье Христово, и. т. д.

Общая характеристика литературы
о „смертной казни“.

Знакомясь заново и перечитывая обширную литературу по вопросу о смертной казни, я невольно обратилъ внимание на слѣдующія типичныя черты всѣхъ научныхъ изслѣдованій:

При всемъ безпристрастїи выдающихся ученыхъ, ихъ кропотливомъ и добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, тщательномъ анализѣ собраннаго матеріала и, несмотря на похвальное желаніе даже такихъ талантливыхъ тружениковъ, какъ Кистяковскій или Миттермайеръ, быть въ своихъ трудахъ лишь „безстрастными зрителями, слѣдящими за законами историческаго развитія того или другого явленія“—ученые не осмѣлились сбросить съ себя извѣстный *республиканскій предразсудокъ науки* о государствѣ и подойти къ интересующему ихъ вопросу съ чистой душой. Нѣтъ, они подошли къ нему съ предвзятой мѣркой, съ идеей о народномъ представительствѣ, *въ формѣ парламента*, какъ идеала государственнаго строя, со всѣми, однако, его злостными качествами, къ которымъ должно отнести: а) замѣну естественныхъ группъ населенія—сословій и классовъ—созданныхъ самой жизнью и потребностями общества—чисто искусственными „партіями“, создаваемыми отдѣльными честолюбцами, для достиженія власти или вліянія, или, что еще хуже,—для осуществленія кабинетныхъ гипотезъ; б) частые выборы, волнующіе населеніе,—отвлекая его отъ обычнаго труда, разжигая страсти, развивая праздность, зависть и вражду къ власти, неуваженіе къ существующимъ законамъ, которые неизбежно подвергаются критикѣ всякой новой партіи, овладѣвшей въ данный моментъ парламентомъ. Отсюда неуваженіе къ правительственной власти, къ законамъ, которые мѣняются чуть не каждыя пять лѣтъ, или даже чаще, такъ что населеніе не успѣваетъ ознакомиться съ ними; отсюда непрерывныя волненія—результатъ партійной агитаціи, партійной литературы, растлѣвающей народную и молодую душу; — неизбежныя при выборахъ подкупы и убійства, открытая революціонная проповѣдь „лѣвыхъ“ депутатовъ, и цѣлый рядъ другихъ тяжелыхъ для страны послѣдствій, которыхъ не перечислишь и не предвидишь... А въ резу-

лтѣ—полное неудовлетвореніе насущнѣйшихъ потребностей населенія, съ которыми депутаты парламента, въ сущности, не имѣютъ ничего общаго ни въ одной странѣ.

Съ такой то предвзятой идеей о народномъ представительствѣ, *въ формѣ парламента*, какъ высшей формѣ государственнаго строя, всѣ даже выдающіеся ученые приступаютъ къ своимъ изслѣдованіямъ. Отсюда получается иногда рядъ курьезныхъ, неразъяснимыхъ выводовъ и противорѣчій.

Такъ, извѣстный нѣмецкій ученый профессоръ Гейдельбергскаго Университета К. Ю. Миттермайеръ, въ своемъ сочиненіи „Смертная казнь по результатамъ научныхъ изслѣдованій, успѣховъ законодательства и опытовъ“, въ § 1, желяя доказать, что законы, допускающіе смертную казнь, свойственны только неограниченнымъ монархіямъ, приводитъ слѣд. примѣръ: «Законы Порція (leges Porciae) отмѣнили смертную казнь, и вмѣсто нея стали появляться болѣе мягкія наказанія. Мало по малу, однако, съ паденіемъ древней римской добродѣтели, смертная казнь начала входить въ употребленіе, и *въ эпоху Императоровъ* сдѣлалась общимъ наказаніемъ для всѣхъ тяжкихъ преступленій, ибо въ это время, при дурномъ управленіи, исчезли уваженіе къ человѣческому достоинству и гражданское чувство»... А въ другомъ мѣстѣ того же сочиненія Миттермайеръ такъ пишетъ: „...Послѣ того, говорить онъ, какъ образовалась въ Римѣ *республика* и честь и свободная гражданственность стали пользоваться высокимъ уваженіемъ—тамъ возникъ взглядъ, что смертная казнь идетъ только для *грубыхъ и несвободныхъ людей*“...

Надо сказать, господа, что такихъ „*грубыхъ и несвободныхъ людей*“ въ римской *республикѣ*, гдѣ по отзыву г. Миттермайера «честь и свободная гражданственность пользовались высокимъ уваженіемъ»,—такихъ людей было *въ нѣсколько тысячъ разъ больше*, чѣмъ людей нѣжныхъ и свободныхъ. Кистяковскій прямо говоритъ, что «въ эпоху республики Римъ наполнился огромнымъ количествомъ рабовъ; нѣкоторые римляне имѣли въ своихъ домахъ до 10 тысячъ рабовъ»...

«Рабство», говоритъ Кистяковскій, «является обильнѣйшимъ источникомъ смертной казни; поэтому законы Порція на которые ссылаются почти всѣ ученые,

на самомъ дѣлѣ устанавливають лишь *несправедливую привилегію* специально для римскихъ гражданъ, минуя жителей провинцій и рабовъ»...

Такъ вотъ, господа,—оказывается, что и знаменитые ученые иногда до того увлекаются республикой или парламентомъ, что готовы идти противъ непреложныхъ историческихъ фактовъ, забывая и честь и достоинство ученаго, чтобы только провести симпатичную имъ идею!... Я увѣренъ, что если бы и у насъ утвердился тотъ парламентскій строй, духомъ котораго, не станемъ скрывать, проникнута и наша Г. Дума и избирательный законъ системы Витте-Гурляндъ,—тогда кадетско-еврейская партія сумѣла бы своими законами доказать, подобно Миттермайеру, что русская народность въ Россіи состоитъ изъ людей «грубыхъ и несвободныхъ», изъ „черной сотни“, а потому и не подходящихъ подъ дѣйствіе гуманныхъ законовъ, о которыхъ она кричитъ и толкуетъ. Можно бы привести и еще нѣсколько примѣровъ подобнаго увлеченія „представительной“ формой правленія не только изъ сочиненія Миттермайера, но даже и безпристрастнаго Кштяковскаго, выводы котораго не всегда вытекають изъ приведенныхъ имъ фак-

товъ,—но я не хочу быть жестокимъ къ русскому профессору, такъ много трудившемуся надъ вопросомъ о смертной казни и не пойду въ своихъ примѣрахъ дальше приведеннаго.

Другая, подмѣченная мною, черта въ научныхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ вопросу о смертной казни, слѣдующая: о смертной казни за, такъ называемыя, государственныя преступленія, и терроръ—въ частности,—писатели или скромно умалчиваютъ, или говорятъ вскользь, глухо, отдѣливаясь общими фразами, какъ Миттермайеръ, Кштяковский и друг. Специальныхъ же сочиненій по этому вопросу, если не считать макулатуры, накопившейся за послѣднее время, совсемъ мало. Лучшимъ считается сочиненіе Гизо „О смертной казни за политическія преступленія“ (de la peine de mort en matière politique).

Но въ сущности и Гизо мало выясняетъ вопросъ, и сочиненіе его, написанное въ 1822 году, кажется намъ теперь отсталымъ, заполненнымъ избитыми и либеральными фразами, полными любви къ преступнику и забвеніемъ интересовъ всѣхъ остальныхъ...

Перехожу къ исторіи смертной казни.

ГЛАВА I.

Исторія смертной казни.

Было бы скучно, господа, если бы, слѣдуя завѣту старинныхъ историковъ, я сталъ излагать процессъ развитія и вымиранія смертной казни въ хронологическомъ порядкѣ, въ различныхъ государствахъ. Я думаю, что это отжившій и ложный приемъ. Я увѣжденъ, что для *историческаго пониманія* изслѣдуемаго явленія важно 1) указать не годъ и мѣсто событія, а подчеркнуть и объяснить тѣ причины и условія, которыя порождали въ различныя эпохи смертную казнь; 2) подтвердить историческими примѣрами справедливость своихъ выводовъ и 3) указать—сохранились ли эти причины, или народились другія, оправдывающія смертную казнь у насъ,—и, если да, то въ какихъ предѣлахъ и за какія, именно, преступленія.

Причины обилія смертной казни и жестокости уголовныхъ законовъ въ исторіи всѣхъ народовъ.

Таковыми причинами я считаю:

- 1) Отсутствіе неограниченной и сильной наследственной власти;
- 2) Рабство и крѣпостное право;
- 3) Невѣжество и суевѣрія народныхъ массъ и безчестность руководителей ихъ.

Вотъ три важнѣйшихъ фактора, сыгравшихъ роковую роль въ исторіи человечества—вообще, и въ исторіи смертной казни—въ частности.

Тамъ, гдѣ эти три явленія проявлялись одновременно и дѣйствовали *совмѣстно*, тамъ мы встрѣчаемъ исключительное обиліе висѣлицъ, костровъ, топоровъ,

а позднѣе—это уже усовершенствованіе французской революціи—гильотинъ.

Въ странахъ и въ эпохи, когда указанные три фактора—отсутствіе единой, наслѣдственной, сильной власти, рабство и невѣжество массъ, руководимыхъ дурными пастырями,—существовали и царили надъ челоуѣчествомъ лишь въ *отдѣльности*, *порознь*—мы наблюдаемъ уже уменьшеніе и числа преступленій, и смертныхъ казней и смягченіе самыхъ уголовныхъ законовъ.

Наконецъ въ государствахъ, гдѣ счастливо существуетъ могучая власть неограниченныхъ Наслѣдственныхъ Самодержцевъ, гдѣ она сильна, какъ божество, и блестяща, какъ солнце, въ государствахъ, гдѣ просвѣщеніе народное попало въ разумныя руки и не выродилось въ пропаганду антигосударственныхъ и безбожныхъ идей,—въ такомъ Царствѣ не можетъ быть висѣлицъ и гильотинъ—онѣ должны рухнуть: потому что злость и силу преступника побѣждаетъ могущество Монарха, твердость законовъ, вѣрность правительства и свободного, мирнаго населенія.

Обратимся къ исторіи народовъ.

Древнія государства.

Начну съ классическихъ странъ *Греціи* и *Рима*.

Намъ такъ долго и упорно твердили о доблести спартанцевъ и высокой культуры афинянъ и римлянъ, что, право, господа, мнѣ даже совѣстно указывать на такіе въ жизни этихъ великихъ народовъ недостатки, которые, въ нашихъ глазахъ, неизгладимымъ пятномъ *каймютъ всю культуру древнихъ*; и какъ бы ни старались намъ прикрыть это пятно общими ссылками на особые экономическія или религіозныя условія тогдашней общественной жизни—его не смыть и не прикрыть: *рабство большинства населенія, возведенное въ культъ, не можетъ быть оправдано челоуѣческой правдой, особенно—если это рабство лѣнется и воспринимается у народовъ, достигшихъ высокой степени цивилизаціи.*

Въ *Спартѣ*, даже въ *Афинахъ*, въ эпоху развитія философіи, поэзіи и скульптуры, *республиканскій* строй допускалъ безнаказанность за убійство подневольнаго челоуѣка—раба. Даже Платонъ, какъ указываетъ Pastoret въ своемъ сочиненіи *des lois penales* (т. II, стр. 48),

лучшій и просвѣщеннѣйшій изъ грековъ, жившій притомъ во времена смягченія рабства, не допускалъ равенства наказаній для рабовъ и гражданъ, и доказывалъ, что *начальное* убійство рабомъ свободного равняется по важности *намеренному* убійству раба. Также и Аристотель отстаивалъ рабство, утверждая, что «отъ золота рождается золото, а отъ рабыни—рабъ».

Можно себѣ легко представить, каковы были взгляды и отношеніе къ рабамъ ихъ владѣльцевъ: смертная казнь безъ суда, безъ разбирательства, практиковалась фактически въ огромныхъ размѣрахъ, тѣмъ болѣе, что республиканская власть, находясь въ рукахъ тѣхъ же рабовладѣльцевъ поддерживала послѣднихъ.

Du Boys, на 117, 118 и 126 стр. своего сочиненія *Hist. du droit. crim. des reup. anciens*, указываетъ, что въ *Спартѣ* правами полного гражданства пользовались только *девять* тысячъ спартіатовъ; подъ ихъ властью находились не имѣвшіе полныхъ правъ гражданства лакедемонцы и совершенно лишеныя правъ илоты.

Jules Loiseleur, въ сочиненіи „*Les crimes et les peines dans l'antiquité et dans les temps modernes*» (р. 45 и др.), говорятъ, что въ *Спартѣ* казнили илота за то, что онъ гордо держалъ голову.

Эфоры, при вступленіи въ должность, часто объявляли *кристію*, т. е. тайную войну противъ класса рабовъ. По объявленіи кристіи, молодые спартіаты разсѣивались по деревнямъ и, скрываясь днемъ въ лѣсу, ночью убивали тѣхъ изъ илотовъ, которыхъ они встрѣчали на пути.

Спартіаты отвѣчали передъ закономъ, если онъ не лишалъ, посредствомъ изуродованія, силы тѣхъ рабовъ, которые родились съ крѣпкимъ организмомъ.

Фукидидъ, жившій въ V в. до Р. Х., современникъ Сократа и Аристотеля, рассказываетъ, что для веденія одной войны, спартіаты вынуждены были вооружить большое количество илотовъ. По окончаніи войны, они отдѣлили наиболѣе отличившихся въ сраженіи, подъ тѣмъ предлогомъ, что хотятъ увѣнчать ихъ цвѣтами и дать имъ свободу, и когда успѣли отдѣлить отъ своихъ товарищей и разбѣстить ихъ по одиночкѣ, тогда предали ихъ смерти. (Du Boys. *Hist. du droit crim. des reup. anciens*, р. 121).

Положеніе рабовъ въ *Римскомъ* государствѣ было особенно тяжело въ періодъ *республики*.

«Римъ въ концѣ республики», говоритъ Кистяковский, наполнился «огромнымъ количествомъ рабовъ: нѣкоторые римляне имѣли въ своихъ домахъ до 10 тысячъ безправныхъ и беззащитныхъ рабовъ».

Ни одинъ народъ древности не выражалъ такъ послѣдовательно и такъ рѣзко въ практикѣ ученіе о томъ, что рабъ есть вещь (res по рогона), принадлежащая господину,—какъ выразили это просвѣщенные римляне.

Законъ Аквилія говоритъ: тотъ, кто безъ права убьетъ чужого раба или чужое домашнее животное, платитъ самую высшую цѣну, по которой подобныя животныя или рабы шли въ теченіе года. *In servum nihil non domino licere*—господину все дозволено дѣлать съ рабомъ—такъ говорили римляне.

«Римское рабство является неизсякаемымъ источникомъ смертныхъ казней. За что лица другихъ классовъ отплачиваются или штрафомъ, или тюрьмой, за то рабы идутъ на крестъ» (Кистяковский).

«Въ случаѣ убійства господина, всѣ его рабы, жившіе съ нимъ подъ одною крышей, подвергались пыткѣ и смертной казни».

Этотъ обычай въпослѣдствіи былъ утвержденъ сенатскимъ постановленіемъ Силанія, которое одни относятъ къ временамъ Августа, другіе—къ концу республики.

Культурные римляне не стѣснялись изобрѣтать самыя разнообразныя казни для рабовъ, каждый «гражданинъ» по своему собственному вдохновенію:

Рабовъ вѣшали, низвергали съ возвышеннаго мѣста, заставляли умирать съ голоду, вводили имъ въ вены ядъ, сожигали медленнымъ огнемъ, разрывали тѣло на куски, и потомъ оставляли ихъ, рабовъ, живыми согнывать, бросали на сѣдненіе звѣрямъ или заставляли «сражаться» съ ними голыми руками, безъ оружія, для потѣхи толпы свободныхъ гражданъ. Но самый употребительный родъ смертной казни былъ у римлянъ—распятіе на крестѣ. Для исполненія этой казни существовалъ особый палачъ, жившій внѣ Рима, и особое мѣсто казни—*sestertium*. Оно находилось внѣ города и представляло видъ лѣса: такъ много было тамъ крестовъ. Рабовъ распинали живыми на крестѣ, чтобы они медленно умирали отъ голода и страданій и служили бы пищей коршунамъ

(Loiseleur, *Les crimes et les peines*, p. 90-91).

Но какъ только въ Римѣ зарождается императорская власть—она немедленно стремится установить законы, охраняющіе жизнь раба отъ произвола господина. Въ то время, какъ въ періодъ республики Аристотель и, позднѣе, Цицеронъ считали рабовъ чѣмъ то среднимъ между животнымъ и человекомъ,—въ періодъ языческой Имперіи, въ царствованіе даже тирана Нерона (54-58 г. по Р. Х.), появляется Сенека, который проповѣдуетъ стоическую доблесть и возстаётъ противъ рабства.

Юристы 3-го и 4-го вѣковъ по Р. Х., т. е. періода Имперіи, возстаютъ противъ рабства. Юристъ Флорентинъ считаетъ рабство учрежденіемъ, противнымъ природѣ; Ульпіанъ говоритъ, что по естественному праву всѣ равны. (Du Boys. *Hist. du droit crim. des peup. anciens*, p. 642, 643).

Конечно, римская имперія—языческая, да и христіанская, не можетъ быть поставлена за образецъ идеальнаго или справедливаго отношенія къ своимъ подданнымъ: рабство, а затѣмъ—крѣпостное право, унаслѣдованное отъ республиканскаго строя, отсутствіе опредѣленнаго порядка наслѣдованія престола, ограниченность и зависимость власти императоровъ, которыхъ назначали—то вліятельная партія Сенаторовъ, то преторіанцы и солдаты—все это являлось такими условіями, при которыхъ императорская власть въ Римѣ не могла окрѣпнуть и часто вырождалась въ чудовищную тиранію и необузданный личный произволъ; но, господа, важно то, что даже и при такихъ ненормальныхъ условіяхъ, свѣтлая идея монархіи какою то чудомъ прорывалась наружу и тогда угнетенная масса населенія получала, если и не благодѣтельные законы, то—мимолетную надежду и облегченіе.

Даже при ужасномъ Неронѣ издается законъ Петронія, который запрещаетъ принуждать рабовъ сражаться со звѣрями.

Разумѣется, это постановленіе осталось мертвой буквой.

Другіе примѣры: Императоръ Адрианъ пытается изъять рабовъ изъ уголовной подсудности ихъ господъ, и подчинить ихъ общимъ судамъ. Клавдій объявилъ свободными больныхъ рабовъ, покинутыхъ своими господами.

Антонинъ издалъ законъ, по которому господинъ, убившій своего раба, считается челоуѣкоубійцей. При *Нервѣ*, сенатскимъ постановленіемъ объявляется, что тотъ, кто изъ корысти или по капризу сбѣгаетъ раба евнухомъ—долженъ быть наказанъ. При *Траянѣ* за такое дѣяніе конфискуется $\frac{1}{2}$ имѣнія (Loiseleur, *ibid*, p. 96-97).

Императоръ *Голба*, при вступленіи на престолъ обѣщалъ общее освобожденіе рабовъ, но впослѣдствіи отступилъ передъ опасностями этого дѣла. (Du Boys, *Hist. du dr. crim. des reup. anc.*, p. 643).

Таковы попытки римскихъ императоровъ облегчить участь поработеннаго населенія;—въ эпоху же республики мы не встрѣчаемъ даже попытокъ въ этомъ направленіи. Laboulaye заблуждается, какъ и Миттермайеръ, высказывая въ своемъ сочиненіи «*Essai sur les lois criminelles*» такое положеніе: «Законы Валеріевъ и Порціевъ отняли у консуловъ и сената власть подвергать смерти римскихъ гражданъ за преступленіе; одинъ только народъ могъ произносить смертный приговоръ» (стр. 87 — 95, 100). Кистяковский по этому поводу говоритъ буквально слѣдующее: «Ошибаются тѣ, которые думаютъ, что эти законы распространялись на всѣхъ гражданъ, безъ различія. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ Цумпта (Zumpt. *Das Criminalrecht der römischen Republick*, B. I, Abt. 2, 64—65 стр.), низшій классъ римскихъ гражданъ, т. е. даже не рабы, не ограждены были отъ жестокаго произвола и подвергались самымъ позорнымъ казнямъ. Въ доказательство этого Цумптъ приводитъ, изъ времени уравненія правъ плебеевъ съ правами патриціевъ, нѣсколько примѣровъ самой позорной казни посредствомъ засѣченія *всѣма даже почтенныхъ* лицъ, но принадлежащихъ къ низшему разряду гражданъ».

Кромѣ того, жизнь провинціала не была ограждена отъ произвола: проконсулы и пропреторы пользовались въ провинціяхъ абсолютною властью и въ томъ числѣ правомъ казнить смертью. Извѣстно, чѣмъ были эти правители для провинцій: ¹⁾ едва ли исторія можетъ представить другой примѣръ такихъ чиновническихъ грабежей, насилій и преступленій, какіе они совершали въ управляемыхъ ими странахъ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ

¹⁾ Читай, напр., рѣчи Цицерона противъ Верреса.

провинціалъ, лицо низшей породы, платился жизнью за большія и малыя преступленія, въ то время, какъ проконсульское управленіе естественно вызывало безпрестанные поводы для казней,—грабившій и соверпавшій всѣ виды преступленій оптимать и откупщикъ были спокойны за свою жизнь» (см. Laboulaye, указанное сочиненіе, p. 11—15, 87, 163, 173—178).

Древніе Греція и Римъ не представляли, однако, исключенія изъ общаго правила: они являлись въ то время лишь типичными въ вопросѣ о примѣненіи смертной казни и подтверждали только лишній разъ не всѣмъ доступную истину, что *ни высокая цивилизація, ни блестящіе юристы и ораторы не въ силахъ оградить интересовъ большинства подданныхъ государства, если во власть его не стоитъ насмѣдственный и неограниченный въ своемъ божественномъ величіи монархъ, а стоитъ случайный демагогъ, тиранъ или другой калифъ на часъ, выдвинутый игрою счастья, вліяніемъ партіи или вмѣшательствомъ чужеземцевъ*. Исторія неумолимо говоритъ намъ, что *монархія гибнетъ, когда въ ложномъ заблужденіи она воспринимаетъ республиканскія учрежденія*, т. е. парламентъ со всѣми его злостными послѣдствіями, о которыхъ я уже говорилъ.

Конечно, господа, мѣрить правду и счастье народовъ аршинами не приходится, но если ужъ говорить объ относительномъ благополучіи массы населенія, то можно смѣло сказать, опираясь на историческіе факты, что власть Самодержца, ничѣмъ, кромѣ доблестныхъ традицій и любви къ народу своему, не ограничена—ни парламентомъ, ни феодалами, ни злостными временщиками—въ тысячу разъ выше, чище и счастливѣе для населенія, чѣмъ случайная власть правителей, избранныхъ партіей отъ имени народа.

Востокъ.

Не одни цивилизованные римляне и греки проливали въ изобиліи кровь своихъ ближнихъ: всѣ *восточные* народы, признававшіе рабство и власть деспота, *ограниченнаго фактически* кастою жрецовъ, браминовъ и другихъ замкнутыхъ партій, шли по тому же пути. И чѣмъ сильнѣе была власть такой касты, чѣмъ безправнѣе было положеніе рабовъ, тѣмъ

безсердечнѣе карали ихъ восточные уголовные законы. Характернымъ въ этомъ отношеніи является *законодательство Индіи*.

Въ Индіи классъ рабовъ составляли судры. Даже по позднѣйшимъ законамъ *Ману* положеніе ихъ крайне тяжкое. Въ іерархіи существъ они поставлены послѣ слона и лошади.

Судра есть существо нечистое, пораженное божественною справедливостію; при рожденіи онъ получаетъ имя, выражающее отвращеніе и зависимость.

Браминамъ запрещается даже прикосновеніе къ нимъ.

Браминъ—неограниченный владыка судры, его имущества, семьи и жизни. Отъ всякаго преступленія индеецъ могъ очиститься: но чьи губы осквернены прикосновеніемъ губъ судры, кто зараженъ его дыханіемъ и имѣетъ отъ него дѣтей, тому законъ не опредѣлялъ искупленія (*Lois de Manou*, III, 16, 17).

За словесное оскорбленіе члена высшей касты—судрѣ отрѣзывали языкъ.

За оскорбленіе *Dwidia* (члена особой корпорации, носившаго священный поясъ)—судрѣ вонзаютъ въ уста раскаленный кинжалъ въ 10 дюймовъ.

Если судра осмѣлится высказать брамину свое мнѣніе относительно его обязанностей, ему вливаютъ въ ротъ и уши кипящее масло.

За похищеніе самого судры—штрафъ, —а за воровство лошади, коровы или цѣнтовъ брамина—смертная казнь или отсѣченіе руки.

Еще ниже цѣнилась жизнь *паріевъ* или отверженныхъ кастъ, которые были лишены всѣхъ правъ и исключены изъ общества. *Ману* повелѣваетъ, чтобы паріи жили внѣ деревень, носили одежду мертвыхъ, чтобы ни одинъ человекъ, вѣрный своимъ обязанностямъ, не имѣлъ съ ними общенія.

Убить парію—значить не болѣе, какъ убить наскѣкомое. (Неводинъ. Собраніе сочиненій, т. II, стр. 99).

Итакъ, на древнемъ востоцѣ, какъ и въ цивилизованныхъ Греціи и Римѣ, форма правленія и учрежденіе рабства создаютъ однородное положеніе въ вопросѣ о смертной казни: *пока господствуетъ рабство, пока нѣтъ законной неограниченной наследственной власти Монарха, никакая цивилизація не въ силахъ смягчить жестокость и неравномерность законовъ: ограниченные случайные*

Монархи *лишь пытаются* облегчить участь поработеннаго населенія.

Обратимся къ среднимъ вѣкамъ.

Средневѣковые государства.

Здѣсь, въ общемъ, та же картина, несмотря на измѣнившіяся религіозныя и общественныя условія.

Тѣ же причины, что и въ древнемъ мірѣ, только въ иныхъ нѣсколько формахъ—крѣпостное право смѣнившееся прямое рабство, безсиліе и слабость монарховъ, ограниченныхъ папами, феодалами и сеньорами, вырожденіе древняго христіанства въ средство политической борьбы за власть—всѣ эти причины не могли не отразиться на внутренней жизни средневѣковыхъ народовъ, не могли не остаться безъ вліянія и на законы о смертной казни. Здѣсь, какъ и вездѣ, во всѣ времена, далъ себя знать, кажется, единственный неизмѣнный законъ общественной жизни, который гласитъ, что въ томъ государствѣ, гдѣ отсутствуетъ единая, наследственная и могущественная власть Монарховъ, признанная народомъ—нѣтъ ни порядка, ни мира, ни силы, ни личной безопасности, что такое государство неизбѣжно вырождается и гибнетъ, вслѣдствіе непрестанной борьбы партій, смѣны властей, шаткости законовъ и угнетенія націй случайнымъ правителемъ.

Никакая цивилизація не въ силахъ спасти такое государство и народъ отъ внутренней смуты, анархіи и неизбѣжной политической смерти: такова судьба республиканскаго Рима, выродившагося въ тиранію, такова судьба французской монархіи, воспринявшей республиканскія учрежденія,—Польша, истоящихъ сейчасъ на очереди: Америки, снова Франціи, Испаніи, Италіи и, не дай Богъ, Россіи, за которую мы и подняли борьбу.

Отсутствіе силы неограниченной власти монарха дѣлаетъ для государства опаснымъ преступника, ставитъ страну въ положеніе первобытной беззащитности и вынуждаетъ правительство прибѣгать къ частымъ казнямъ.

Напротивъ, тамъ, гдѣ власть сильна, какъ у насъ, напримѣръ, при Петрѣ Великомъ, Елизаветѣ Петровнѣ, Екатеринѣ II-ой, Николаѣ I-мъ, Александрѣ II-омъ и Александрѣ III-емъ—она не бесѣдуетъ съ заговорщиками или преступниками: могучимъ ударомъ она подавляетъ зло въ

корнѣ, заставляя его уйти подалеже отъ яркаго свѣта Царскаго могущества, да-
руа, такимъ образомъ, *большинству* на-
селенія законный порядокъ — „залогъ
благополучія и блага общественнаго“.

И такъ, я утверждаю, что въ средніе
вѣка нѣтъ монархической, *неограничен-
ной* власти: тиранія мелкихъ сеньоровъ
надъ крѣпостными и вмѣшательство папъ
въ управленіе государствами—не даютъ
возможности народиться истинному Само-
державію,—независимому, божественному
въ своемъ земномъ могуществѣ и без-
пристрастіи.

И въ результатъ что же мы видимъ?

У каждаго сеньора на дворѣ замка выст-
роена *постоянная* висѣлица съ большимъ
или меньшимъ количествомъ столбовъ.

„Между сеньоромъ и его крестьянами
нѣтъ другого судьи, кромѣ Бога,“ говоритъ
средневѣковый юристъ Петръ-де-Фонтенъ.

«Это мой человѣкъ: я имѣю право
его сварить или сжарить!»—слова другого
сеньора.

Высшее католическое духовенство, за-
хвативъ въ свои руки юрисдикцію по
дѣламъ о „колдовствѣ и вѣдмахъ“ и
пользуясь народнымъ невѣжествомъ, тво-
рить судъ и расправу, по своему ус-
мотрѣнію.

Костры пылаютъ отъ Мадрида до Рейна
и отъ Парижа до Лондона—по всей Европѣ.

Старое каноническое правило „*ecclē-
sia sanguinem abhoret*“ *) болѣе не дѣй-
ствуетъ.

По свидѣтельству лейпцигскаго проф.
Бока, въ княжествѣ Рейсѣ, съ 1640—
1652 годъ казнено было 1000 волшеб-
ницъ, и между ними были дѣти 1—6
лѣтъ (Ем. Agnell. Procès contre les animaux,
1858, p. 20).

Съ 1625—по 1630 годы, въ епископствѣ
Вамбергскомъ, въ числѣ 600 вѣдмъ
было сожжено 23 дѣвочки—семи, вось-
ми, девяти и десяти лѣтъ. Въ *Швеціи*,
въ 1670 году сожжено было 72 женщи-
ны и 15 дѣтей. (Soldan. Geschichte der
Hexenprocesse, 230, 383, 387 и 392 стра-
ницы). 16 февраля 1568 года святая
инквизиція осудила на смерть всѣхъ
жителей *Нидерландовъ*, какъ еретиковъ;
только нѣкоторые лица, поименно озна-
ченные, были исключены изъ числа осуж-
денныхъ; Филиппъ II, опасаясь *мести ин-
квизиторовъ и папскаго интѣва*, утвердилъ
этотъ приговоръ инквизиціи (Motley.

Histoire de la fondation de la republique
des provinces—unies; Кистяковский, 168 стр.)

Приговоръ этотъ не былъ приведенъ
въ исполненіе, тѣмъ не менѣе инквизи-
ціонные суды при Филиппѣ II-мъ каз-
нили, по исчисленію Гуго Гроція,—25.000
нидерландцевъ. (Traduction, Guizot, т. II,
p. 400).

Число сожженныхъ въ Европѣ за вол-
шебство, по счету Вольтера—100000 че-
ловѣкъ, другіе утверждаютъ, что въ одной
Германіи казнено не менѣе этого числа.
(См. Oeuvres complètes, т. XXIX, p. 295,
Voltaire).

Съ 1590 по 1600 г., въ Брауншвей-
гѣ каждый день сжигали отъ 10—12
вѣдмъ и на мѣстѣ казни такъ много сто-
яло обгорѣлыхъ столбовъ, что ихъ мож-
но было принять за небольшою лѣсъ
(Soldan. Geschichte der Hexenprocesse
358 стр.)

Въ Лидзгеймѣ, въ 4 года, съ 1661—
1664 годъ сожжена была восемнадцатая
часть населенія.

Въ Англіи, въ послѣднія только 14 лѣтъ
царствованія Генриха VIII было казнено
70000 англійскихъ бѣдняковъ за бро-
дѣжество съ повтореніемъ; это при об-
щемъ населеніи Англіи въ то время,
въ 4500000 душъ! (Du Boys. Hist. du
dr. crim. des peuples modernes,
т. III p. 642—651).

Въ XVII столѣтіи нарождается
въ Россіи крѣпостная зависимость.
Но нашъ средневѣковый законъ,
въ противоположность европейскому
*никогда не предоставлялъ помѣщику
надъ своимъ крѣпостнымъ права жизни
и смерти*. Это же подтверждаетъ и Ки-
стяковский на стр. 121 своего труда:

По уложенію Алексѣя Михайловича,
если помѣщикъ убьетъ своихъ людей
или крестьянъ, пойманныхъ, въ *разбоѣ*,
то *лишается помѣстья*.

А вотъ Sogrin, въ своемъ Traité du
droit de chasse (p. 346), приводитъ та-
кой примѣръ: когда одинъ сеньоръ обви-
нялъ другого, что тотъ убилъ его дичь,
то обвиняемый сеньоръ полусмѣшно,
полусерьезно *извинялся* тѣмъ, что ошиб-
ся, принявши *serf* (олена) за *serf* (раба)
и, имѣя намѣреніе выстрѣлить въ по-
слѣдняго, выстрѣлилъ въ перваго.

Также обстоитъ дѣло и въ юго-запад-
номъ краѣ, бывшемъ подъ властью Поль-
ши, и въ губерніяхъ Остзейскихъ, гдѣ
нынче свирѣпствуютъ латыши. Централь-
ная власть здѣсь была безсильна—дво-

*) «Церковь чуждается крови».

рянство и духовенство образовали замкнутыя касты; отсюда полное порабощеніе народа: въ части Россіи, управлявшейся литовскимъ правомъ и, въ частности Литовскимъ Статутомъ, крѣпостное право, въ противоположность Московскому государству, даетъ помѣщику право жизни и смерти надъ крестьяниномъ. Цѣлый рядъ узаконеній даетъ это право помѣщику: жалованная грамота *выборнаго* короля Казимира 1457 г. данная литовскимъ, русскимъ и жмудскимъ обывателямъ, Судебникъ 1468 г. и Статутъ 1529 г. Это „право“ помѣщикъ часто уступалъ своему управляющему, арендатору и всякому другому лицу. (см. *Ивановъ*, «о древней сельской общинѣ», стр. 30. *Леонтовичъ*, «крестьяне юго-зап. Россіи по Литовскому праву XV и XVI стол., стр. 39). „Такимъ образомъ, говоритъ Кистяковский, (стр. 122) нерѣдко случалось, что право жизни и смерти надъ крестьяниномъ попадало въ руки жаднаго жидо-арендатора“.

Примѣры: Въ 1 томѣ *Памятниковъ Киевской Комиссіи* помѣщены три арендныхъ контракта объ отдачѣ князьями Пронскимъ и Сангушкимъ и паномъ Лысаковскимъ своихъ имѣній въ аренду жидамъ съ правомъ наказывать кр-нъ даже смертью (Отд. 2, стр. 66—112). Въ *книжѣ градской, Киевской*, № 5, подъ 1691 г., л. 216, записанъ смертный приговоръ, произнесенный управляющимъ пана Искритскаго, Орловскимъ, надъ крестьяниномъ Ошомки.

И такое право оставалось за польскими помѣщиками вплоть до 1768 года, т. е. до раздѣла *республиканской Польши*!..

Въ *Курляндіи, Эстляндіи и Лифляндіи* издавна нѣмецкіе рыцари присвоили себѣ право жизни и смерти надъ своимъ крестьяниномъ. Право это рыцари приобрѣли вмѣстѣ съ завоеваніемъ страны и полнымъ порабощеніемъ населенія. Когда въ 1561 году Курляндія и Семигалия были присоединены къ Польшѣ, то за дворянствомъ были утверждены старыя привилегіи и, между прочимъ, власть надъ жизнью и смертью ихъ крѣпостныхъ. (См. *Кистяковский*, стр. 121 и слѣд.; *Юридическій журналъ*, 1861 г., № 7, законодательство Курляндіи).

Въ какомъ размѣрѣ пользовались нѣмецкіе рыцари своимъ правомъ суда, объ этомъ можно составить нѣкоторое понятіе изъ слѣдующаго заявленія лифляндскому ландтагу *выборнаго* короля Стефана Баторія:

„утѣшенія, коимъ подвергаются лифляндскіе крестьяне, столь жестоки и безчеловѣчны, что во всемъ мірѣ, даже между язычниками и варварами, не встрѣчается ничего подобнаго» (См. *Чтенія Моск. Общества исторіи и древностей*, 1865 г., кн. 3, «движеніе латышей и эстовъ въ Ливоніи»).

Право жизни и смерти надъ крестьяниномъ остается за остзейскими рыцарями и въ теченіе XVII стол. (*Ibid.*, стр. 111). По присоединеніи Эстляндіи и Лифляндіи къ Россіи, за остзейскими помѣщиками были утверждены ихъ привилегіи. Еще въ 1739 году Лифляндское дворянство защищало право полной и неограниченной собственности на кр-на и его собственность: безграничное и ничѣмъ неопредѣленное право исправительныхъ наказаній надъ кр-нами; невмѣшательство мѣстныхъ властей, запрещеніе принимать какія бы то ни было жалобы отъ крестьянъ (тамъ же, стр. 113). Хотя продажа кр-нъ на площадяхъ и расторженіе браковъ были запрещены въ 1765 году, но еще въ томъ же году остзейское дворянство требовало, чтобы дворянинъ, обвиняемый за злоупотребленіе власти (напр., за убійство кр-на), былъ преслѣдуемъ только за расточительность (см. тамъ же, стр. 114).

Самыя формы смертной казни въ *средне-вѣковой Европѣ* поражаютъ своею изысканной и утонченной жестокостью. Правда, распятіе на крестѣ, изъ уваженія къ памяти Господа Иисуса Христа, исчезло, но зато его замѣнили—кипяченіе въ маслѣ, винѣ и водѣ, вытягиванье кишочекъ посредствомъ особыхъ машинъ, раздробленіе костей, сажаніе на колъ, сдираніе кожи, и т. д. до безконечности.

Удивительныя машины и орудія пытокъ, которыя до сихъ поръ можно видѣть въ нѣкоторыхъ частныхъ и городскихъ музеяхъ *Европы*, свидѣлствуютъ намъ, до какого изступленія доходили «законодатели» средне-вѣковой Европы.

Намъ всегда говорятъ о варварствѣ и жестокости русскихъ; намъ указываютъ на то, что въ древней Россіи XVIII вѣка свирѣпствовали ужасныя казни,—но сравненіе стараго русскаго уголовнаго законодательства съ европейскимъ—доказываетъ совсѣмъ противное. Профессоръ Сергѣевскій («Русское уголовное право»), сдѣлавъ такое сравненіе, прямо говоритъ, «что наше отечество, уступая Западной Европѣ въ количество смертныхъ казней уступало ей и въ качествѣ: грубы и же-

стоки были формы смертной казни въ древней Россіи, но до такого разнообразія и утонченности способовъ лишенія жизни преступниковъ, до такихъ сложныхъ приспособленій, направленныхъ къ увеличенію страданія преступника, какія мы находимъ въ Западной Европѣ, наше отечество никогда не доходило».

Воинскій уставъ Петра Великаго приводится обыкновенно, какъ образчикъ жестокости русской имперіи XVIII вѣка. Но здѣсь, господа, очевидное историческое недоразумѣніе! Профессоръ Спб. Университета В. Латкинъ совершенно точно установилъ происхождение этого устава. Вотъ, что говоритъ Латкинъ по этому поводу:

«Какъ въ сепаратныхъ указахъ, такъ и въ Воинскомъ Уставѣ смертная казнь полагалась въ 122 случаяхъ: *) однако, на практикѣ смертная казнь примѣнялась далеко не всегда и нерѣдко замѣнялась другими наказаніями. До изданія Воинскаго Устава, какъ и послѣ изданія его, издается цѣлый рядъ указовъ—19 ноября 1703 года, 1704 г., 1714, 1721 и т. д.—которыми смертная казнь ограничивается на практикѣ и, въ большинствѣ случаевъ, замѣняется другими наказаніями».

Вотъ, что гласитъ одинъ изъ такихъ указовъ: «на Москвѣ, во всѣхъ приказахъ, приводныхъ всякихъ чиновъ людей, которые явятся по розыскнымъ дѣламъ, въ его государевыхъ дѣлахъ—въ измѣнѣ, бунтѣ и въ смертныхъ умысленныхъ убійствахъ, или кто кого какиѣмъ питіемъ или отравою уморить, и тѣхъ людей за тѣ изъ винъ казнить смертью».

Какъ же понимать этотъ указъ?—А вотъ какъ: несмотря на существованіе Уложенія, новоуказныхъ статей, сепаратныхъ указовъ и Воинскаго Устава,—въ изобиліи расточающихъ смертную казнь за массу всевозможныхъ преступленій,—въ дѣйствительности примѣненіе смертной казни ограничивается всего 3 случаями: измѣной, бунтомъ и умысленнымъ убійствомъ!.. Чѣмъ объяснить, господа, такое странное явленіе: Воинскій Уставъ караетъ смертной казнью даже за воров-

ство, а Царскіе указы ограничиваютъ примѣненіе казни всего тремя случаями,—въ 1744 же году Императрица Елизавета Петровна, указомъ на имя Сената, и вовсе приостанавливаетъ дѣйствіе смертной казни въ Россіи?!

Явленіе это станетъ понятнымъ, если мы вспомнимъ, что Воинскій Уставъ не русскаго происхожденія, что чуждый русскимъ правамъ, онъ не могъ имѣть успѣха и долженъ былъ зачахнуть на чуждой ему почвѣ. Воинскій Уставъ—сколокъ съ иностранныхъ законодательствъ. Источниками его были: 1) шведскіе воинскіе артикулы Густава Адольфа, 2) военно-уголовные законы датскіе и комментаріи къ голландскимъ и бранденбургскимъ имперскимъ военнымъ артикуламъ, и 3) Уголовное Уложеніе Карла V «Constitutio Criminalis Carolina» (1532 г.), дѣйствовавшее въ Европѣ и въ эпоху Петра.

Составляли Воинскій Уставъ иностранцы: 1) генералъ Вейде, 2) Брюссъ, 3) генералъ Боннъ и 4) Винніусъ *).

Если вспомнить, господа, что даже во 2-й половинѣ 18-го вѣка, въ Европѣ дѣйствовали такіе законодательные феномены, какъ Баварскій Codex juris bavarici criminalis 1751, который, по словамъ Фейербаха, «задуманъ въ духѣ дракона и написанъ кровью» и даже на заглавномъ листѣ котораго изображены орудія казни—мечъ, вилы, костеръ, колесо и т. д., если вспомнить всѣ другіе ему подобныя европейскіе уголовные законы,—то становится совершенно понятной свирѣпость и кровожадность Воинскаго Устава, несвойственная духу и разуму русскаго народа, который всегда, карая смертной казнью лишь измѣну, бунтъ и отравленіе.

Я не стану воскрешать передъ вами всей картины свирѣпости былаго варварства,—я скажу только еще разъ, что ни религія, ни культура не въ силахъ смягчить нравы, если власть раздроблена между десятками и сотнями враждующихъ феодаловъ, кастъ, партій и корпорацій, если нѣтъ такой силы, которая являлась бы единственнымъ надъ—народнымъ источникомъ, поставленнымъ выше всѣхъ личныхъ счетовъ и партій.

Интересно то, что даже такіе убѣжденные конституціоналисты, какъ профессоръ Кистяковский, выражаютъ почти

*) Примѣчаніе: Въ Англіи, по подсчету вѣмеккаго тюремовѣда Юліуса, который свелъ всю массу смертныхъ случаевъ, встрѣчающихся въ статутахъ,—въ 6789 случаяхъ полагалась смертная казнь; во Франціи въ 115 случаяхъ и т. д.

*) См. В. Латкинъ, «Законодательныя коммиссіи 18-го вѣка» и «исторія русскаго права императ. перевода» его же.

ту же мысль, конечно, сами того не желая, но руководствуясь исключительно логическими выводами, основанными на истории народов. Вот, например, что говорит профессор Кистяковский на 134 страниц своего труда: „возникновение Империи (въ Римѣ) сопровождалось нѣкоторымъ уравниемъ правъ римскихъ гражданъ“...

На страницѣ 117 и 138: „въ періодъ наибольшаго развитія феодализма, когда королевская власть почти потеряла всякое значеніе—сеньоры не имѣли надъ собою верховной власти и совершали преступленія безнаказанно“... „съ XIV столѣтія во Франціи *усилившаяся королевская власть* начала ограничивать вообще абсолютную власть сеньоровъ надъ крестьянами и, въ частности, ихъ произвольную юстицію. Съ этого времени возникаетъ для крестьянина право апелляціи въ королевскіе суды; опредѣляется кругъ дѣлъ исключительно подсудныхъ королевскимъ судьямъ; наконецъ, сеньоральная юстиція организуется въ нѣкоторую систему, такъ какъ сеньорамъ вмѣняется въ обязанность назначать дѣльных и добросовѣстныхъ людей въ свои суды“...

Разумѣется, господа, всѣ эти мѣры французскихъ королей, *фактически ограниченныхъ* феодалами, римскими папами и іезуитами, не могли имѣть много значенія, кромѣ временнаго, лишь ослабляющаго произволъ сеньоровъ, чиновниковъ и іезуитовъ: но важно то, что сами ученые невольно подтверждаютъ нашу мысль объ исключительныхъ достоинствахъ монархическаго строя, даже и въ области уголовныхъ законовъ.

Наши противники говорятъ намъ: феодализмъ, средневѣковое варварство, грубость нравовъ!..

Но что такое, господа, по существу своему, феодализмъ, какъ ни своеобразная форма ограниченія священной власти Монарха, какъ ни зародышная форма будущаго парламента?

Именно, на почвѣ феодализма, на почвѣ борьбы англійскихъ сеньоровъ выросла современная англійская конституція: феодализмъ былъ безусловно I-ой стадіей въ ея развитіи.

Этого, я полагаю, не рѣшится отрицать ни одинъ добросовѣстный историкъ.

Вотъ почему англійскіе уголовные законы всегда отличались крайней жестокостью въ среднія и даже новѣйшія

времена, вотъ почему Лондонъ получилъ въ свое время неслетное прозвище города висѣлицъ, а въ 50-хъ еще годахъ 19 вѣка существовалъ законъ, каравшій смертной казнью воровство на сумму 5 фун. стерлинговъ (50 рублей!!).. Въ республикахъ дѣло обстоило еще хуже. Я говорилъ уже вамъ о древнихъ Греціи и Римѣ, высокая культура которыхъ не спасла огромнаго большинства населенія отъ рабства; но я могу указать еще и на Польшу, гдѣ подъ эгидой *республиканскихъ* учреждений съ *выборнымъ* королемъ процвѣтало такое рабство, о которомъ Россія никогда не вѣдала: «быдло», т. е. рабочий скотъ,—вотъ чѣмъ были польскіе и литовскіе крестьяне въ глазахъ даже... нѣкоторыхъ польскихъ писателей. Русское православное крестьянство не переносило такой жизни въ „свободной Польшѣ“: оно бѣжало въ Новороссійскія степи, на Запорожье, и, создавъ казацкую вольницу, добровольно отдавалось подъ высокую руку „Московскихъ“ Самодержавныхъ Царей.

Наконецъ, знаменитая своими республиками Америка, въ которой процвѣтало типичное рабство, подъ видомъ неготорговли...

Американская республиканская конституція 1783 года прямо узаконяетъ рабство. Но, господа, я не буду конфузить республиканцевъ, напоминая имъ объ ужасахъ пытокъ и казней, царившихъ въ культурной Америкѣ вплоть до побѣды генерала Гранта надъ южно-американской арміей генерала Ли, при Аппоматоксѣ, у предгорья Аллегани, 9 апрѣля 1865 года, т. е. когда неограниченный Самодержецъ Россіи Импер. Александръ II уже даровалъ свободу не только русскимъ крестьянамъ, но и *польскимъ* «хлопамъ»... Я не стану тревожить республиканскую совѣсть картинами недавняго варварства свободной Америки: Бичеръ-Стоу и др. писатели достаточно поразсказали намъ о степени цивилизаціи американскихъ «гражданъ» 19-го вѣка, а послѣднія корреспонденціи Новаго Времени, *) въ связи съ поѣздкой сэра Милкова дадутъ намъ понять, что аппетиты американскихъ эх-плантаторовъ и масоновъ, съ ихъ боевой дружиной террористовъ, простираются далеко за предѣлы ввѣренной ихъ попеченію *республиканской* Америки...

Таково, господа, вліяніе формы правле-

*) См. Новое Время за 1907 годъ съ Августа мѣсяца.

нія, рабства и степени цивилизаціи на качество и количество смертной казни въ исторіи народовъ. Мыѣ остается добавить еще нѣсколько словъ къ сказанному о вліяніи формы правленія на смертную казнь въ Россіи, сдѣлать общее заключеніе и перейти затѣмъ къ вопросу о террорѣ, его причинахъ и средствахъ борьбы съ нимъ.

Кто создалъ на землѣ такое великое и необъятное царство, какъ наша Россія?

Исторія отвѣчаетъ: сильная наслѣдственная центральная власть, въ формѣ неограниченнаго Самодержавія Русскихъ Царей.

Кто далъ свободу русскимъ крестьянамъ и кто освободилъ отъ рабства польскихъ и литовскихъ «хлоповъ»?

Исторія снова даетъ намъ отвѣтъ: Русскій, неограниченный, Самодержавный Императоръ Александръ II-й.

Исторія неумолимо говоритъ намъ, что только благодаря неограниченной силѣ нашихъ Самодержцевъ—Царей, наши уголовные законы отличались всегда мягкостью *по сравненію съ законами Европы*; что въ эпохи наибольшаго развитія силы неограниченнаго Самодержавія—въ эпоху Имп. Екат. II-ой и Царственныхъ предшественниковъ ея, а въ 19-мъ вѣкѣ—въ царствованіе Имп. Александра III-го,—замѣчалось, сравнительно съ др. государствами Европы, полное отсутствіе смертной казни не за важнѣйшія государственныя преступленія. Даже самый отъявленный революціонеръ Франція. конца, XVIII вѣка—Робеспьеръ, требуя уничтоженія смертной казни, сказалъ слѣдующее: «умѣренные наказанія и смятеніе казней влекутъ за собою уменьшеніе преступленій, чему доказательствомъ служатъ республиканскій Римъ (здѣсь Робеспьеръ лгалъ!) и Россія».

Понятно, господа, что Робеспьеръ не смѣлъ сказать, что самая *умѣренность наказаній и смятеніе казней* явились въ Россіи именно результатомъ могущества неограниченной Царской власти, Которая безпошадна была лишь къ бунтамъ, какъ Пугачевскій, имѣя въ виду благополучіе всей Россіи и ея нормальное мирное развитіе; Робеспьеръ не сдѣлалъ такого вывода, хотя онъ и напрашивался самъ собой.

18 и 19-й вѣка.

Въ концѣ 18-го и 19-мъ столѣтіяхъ исчезаютъ во многихъ государствахъ тѣ причины, которыя въ древности и средніе вѣка порождали жестокіе законы, обиліе и разнообразіе казней.

Исчезаетъ рабство, папская власть теряетъ свой воинственный характеръ, феодальные властелины смиряются передъ могуществомъ своихъ королей... Зарождается, повидимому, новый свѣтъ въ исторіи человѣчества.

Появляется цѣлый рядъ ученыхъ и писателей, которые возмущаются жестокостью средневѣковыхъ казней и пытокъ и встаютъ противъ ихъ примѣненія. Знаменитый Беккарія, въ половинѣ 18-го вѣка, выступаетъ противникомъ смертной казни, оправдывая ее только за одни *политическія* преступленія, «когда отъ казни одного или немногихъ зависитъ спасеніе всего общества». Монтескье, графъ Соденъ («духъ нашихъ уголовныхъ законовъ»), Бриссо-де-Варвиль—криминалистъ XVIII вѣка, и цѣлый рядъ другихъ—доказываютъ несправедливость и безцѣльность тѣхъ казней, которыми прославились древнія и средневѣковыя государства...

Въ Испаніи—классической странѣ сожженія еретиковъ и колдуновъ—со 2-ой половины 18-го вѣка—мало по малу угасаютъ костры и святая инквизиція не преслѣдуетъ болѣе населенія *ad maiorem gloriam Dei...* (во славу Божию).

Также идетъ дѣло въ Англіи, Германіи, Россіи—во всѣхъ странахъ, гдѣ монархическая власть, ограничивъ постороннія вліянія на народъ, беретъ его подъ свое высокое покровительство. Не вездѣ, однако, народъ сознаетъ отчетливо то огромное благо, которымъ является для страны неограниченный монархъ; подъ вліяніемъ различныхъ лжеученій о народномъ представительствѣ, въ формѣ парламента,—о народовластіи, въ формѣ республики,—какъ высшихъ формахъ госуд. строя, яко бы обезпечивающихъ «свободу, равенство и братство» населенія--разбитые были враги неограниченной монархіи объявили себя «народниками» и повели регулярную войну, во всѣхъ странахъ, противъ даже *возможнаго* появленія неограниченнаго самодержавія.

Результаты были слѣдующіе: въ *Англии*, бывшіе феодалы-лорды и герцоги, съ одной стороны, и разбогатѣвшіе буржуа (наши тѣвые октябристы и кадеты)—съ другой,—не дали англійскимъ королямъ всей полноты Самодержавной власти, забравъ въ свои руки право изданія законовъ, расходованія народныхъ денегъ и даже не разрѣшивъ королю назначать министровъ по своему усмотрѣ-

рѣнію, а непремѣнно изъ парламентскаго «большинства», т. е. изъ «ихъ» же среды. Отсюда—вся масса англійскаго населенія очутилась въ рукахъ небольшой кучки лордовъ и буржуа, забравшихъ себѣ земли, университеты, фабрики—словомъ все, что можно было забрать. Вотъ почему и уголовные законы Англіи всегда отличались холодной свирѣпостью и черствостью къ людямъ небогатымъ и *ограждами интересовъ однихъ сенаторовъ, депутатовъ и боячей*. Никто себѣ не врагъ,—и господа бывшіе феодалы и отѣвшіеся торговцы прекрасно сумѣли, изданіемъ различныхъ *хартій* и «*habeas corpus*», оградить неприкосновенность своихъ особъ, свободу слова и выборный судъ изъ своей же среды. За то вплоть до 1831 года въ Англіи сохранялся законъ, карающій смертной казнью за воровство свыше 5 шиллинговъ (2½ рублей), а до 50 годовъ «неприкосновенные судьи» вѣшали голодныхъ воровъ за кражу свыше 5 фун. стерлинговъ. Но все это является совершенно неизбѣжнымъ результатомъ захвата власти отдѣльными лицами и партіями и отсутствія независимой власти неограниченныхъ монарховъ...

Еще въ болѣе тяжеломъ положеніи оказалось *французское* населеніе, гдѣ въ концѣ 18-го вѣка придворная знать выродилась или измѣнила королю, а разбогачившіе средніе классы (*tiers état*) сами захотѣли править государствомъ. Въмѣсто того, чтобы укрѣпить ослабѣвшую въ концѣ 18 вѣка, королевскую власть, поддержать безвольнаго, довѣрчиваго монарха и тогда провести необходимыя реформы,—«третье сословіе» (наши кадеты) подняло противъ власти короля городскую чернь, разорило народъ, казнило короля и, провозгласивъ всеобщія «свободу, равенство и братство», осквернило страну безчестными казнями невинныхъ. Поднялась такая анархія, которая прекрасно обрисована историкомъ Тэнномъ (см. его «происхожденіе современной Франціи», т. II) и въ которой погибла бы Франція, если бы геній Наполеона временно не возродилъ фактическаго Самодержавія.

Надо отдать справедливость нѣкоторымъ изъ дѣятелей 1-ой французской революціи: Лепелетьеръ-Сенъ-Фаржо, Кондорсе и др. депутаты, кажется, искренно желали оградить мирное населеніе отъ ужасовъ безвластія и анархіи, но эти депутаты въ самой основѣ своихъ убѣжденій стоя-

ли на ложной точкѣ зрѣнія, воображали, что *народъ* (!), а не монархъ долженъ править государствомъ, и потому своими рѣчами и проектами не принесли своей родинѣ ни малѣйшей пользы... Мало того: французскій юристъ Loiseleur, говорить («*Les crimes et les peines dans l'antiquité et dans les temps modernes*»), что «революціонное правительство своими казнями напичкало самыя мрачныя времена средневѣковаго феодализма». Какъ будто утомившись отъ казней, въ 4 годъ республики Конвентъ издалъ декретъ, въ которомъ сказано было, что со дня объявленія всеобщаго мира смертная казнь будетъ отменена во всей французской республикѣ.

Какъ и слѣдовало ожидать, вплоть до воцаренія Наполеона I-го, предположеніе это осталось безъ послѣдствій и революціонная вакханалія продолжалась, оставивъ самую несчастную страницу въ лѣтописяхъ французской націи. Вся исторія Франціи особенно ярко подчеркиваетъ нашу мысль о Неограниченномъ Самодержавіи, какъ высшей формѣ государственнаго строя. Дѣйствительно: съ паденіемъ Наполеона, т. е. съ уничтоженіемъ сильной независимой власти, во Франціи снова поднимаются смуты. Вся исторія этой несчастной страны есть перечень возстаній, казней, непрерывной смѣны правительствъ, измѣненія законовъ, угнетенія бѣдныхъ классовъ населенія богатыми, а въ послѣднее время—открытое преслѣдованіе христіанъ—масонами и еврейскими, забравшими прессу, богатство и власть въ свои руки...

Но исторія не убѣждаетъ, какъ видно, нѣкоторыхъ ученыхъ юристовъ; она идетъ своимъ чередомъ мимо ихъ ученій о конституціи, какъ высшей и разрѣшенной проблемѣ народнаго блага: они не хотятъ обратить свои мысли къ дѣйствительной жизни и пишутъ намъ чудные законы, которые ставятъ всѣхъ внѣ закона!

Они похожи на тѣхъ богослововъ въ Византіи, которые занимались диспутами о божественномъ огнѣ на горѣ Фаворѣ въ то время, когда Магометъ II-й бомбардировалъ стѣны Константинополя. Но безнаказанно нельзя нарушать ни одно вѣками сложившееся общество: Франція пять разъ мѣняла форму правленія и въ теченіе 80 лѣтъ имѣла пять различныхъ конституцій: 1) радикальную конституцію 1793 г. (непосредственную) 2) директоріальную конституцію 1795 г.

(3-й г. республики) 3) консульскую конституцію 1799 г. (8-й г. республики) 4) конституція 1848 г. (съ „listes de confiance“ и 5) нынѣ дѣйствующие законы 1875 г.

Но что же, господа, добились ли Франція своими конституціями внутреннего мира, порядка, социальной правды, хотя бы въ самыхъ малыхъ размѣрахъ?

Обезпечены ли тамъ религиозная терпимость, уваженіе къ труду, къ личности, разумная мягкость уголовныхъ законовъ, вѣстная безопасность страны и устойчивость власти?

На это современные или недавнія событія говорятъ намъ слѣдующее: 1) смертная казнь во Франціи до сихъ поръ совершается публично; 2) религиозной терпимости нѣтъ: потому что самый символъ этой терпимости—святая крестъ Господень выброшенъ, какъ ненужный хламъ, изъ присутственныхъ мѣстъ Франціи, по распоряженію ма-сонскаго министерства Клемансо; христіане преслѣдуются на государственной службѣ: при бывшемъ военномъ министрѣ Андрѣ, депутатъ—націоналистъ Сиветонъ открылъ, что за офицерами установлено шпионство, по распоряженію Андрѣ, и тѣ изъ офицеровъ, которые посѣщали церковь и принимали святое причастіе, отмѣчались въ особыхъ тайныхъ кондуктныхъ спискахъ, какъ *неблагонадежные*, не получая дальнѣйшаго движенія по службѣ; *) самые церкви и монастыри, подъ предлогомъ „отдѣленія церкви отъ государства“, разоряются: все церковное богатство, накопленное вѣками частной благотворительности и пожертвованіями королей экспроприровано въ казну; 3) уваженіе къ труду и личности существуютъ лишь на бумагахъ и въ учебникахъ профессоровъ: частные предприниматели, пользуясь свободой, угнетаютъ рабочіе классы до крайности. Катастрофа 10 марта (новый стиль) 1906 г. въ Курьерскихъ рудникахъ, на сѣверѣ Франціи, въ департаментѣ Па-де-кале, близъ Лилля (и цѣлый рядъ въ 1907 г.) нарисовала намъ чудовищную картину социального положенія французскаго рабочаго: 14 ч. работа, подъ землею, ничтожная плата и ежечасная опасность погибнуть отъ пустой случайности. Еврейская акціонерная компанія зарабатывала на этихъ

*) Деп. Сиветонъ, какъ и слѣдовало ожидать, жестоко поплатился за свои разоблаченія: преданный суду за оскорбленіе военнаго министра Андрѣ,—Сиветонъ «случайно» задохся отъ угара» за нѣсколько дней до судебного засѣданія...

рудникахъ 1400%, въ годъ!... 4) осеннее (1907 г.) возстаніе винодѣловъ на югѣ Франціи, разоренныхъ *открытой* поддѣлкой вина со стороны евреевъ, опиравшихся на купленныхъ ими депутатовъ Національнаго собранія; измѣна въ арміи (еврей Дрейфусъ), измѣна во флотѣ (еврей Ульмо), разнузданность прессы, изданіе дикихъ законовъ, волнующихъ населеніе и оскорбляющихъ его, шаткость правительственной власти—вотъ плоды и 5-й конституція во Франціи, ставшей на ложный путь народоправства. Неудивительно, поэтому что, по словамъ Кистяковского, „Франція—въ отношеніи законовъ о смертной казни является однимъ изъ наиболѣе отсталыхъ государствъ Европы: во Франціи до сихъ поръ сохранилось *публичное* исполненіе смертной казни!...“

Изъ всего изложеннаго я считаю себя въ правѣ сдѣлать слѣдующее заключеніе: основной причиной анархіи, волненій и варварскихъ казней было вездѣ и всегда отсутствіе неограниченной Самодержавной власти, какъ высшей формы государственнаго строя. Такая форма правленія, какъ для прогресса въ области уголовного законодательства, такъ и для всѣхъ прочихъ сторонъ общественнаго развитія, безспорно является лучшей, какъ свидѣлствуютъ даже указанные отрицательныя черты исторической жизни народовъ; ниже ея стоитъ монархія ограниченная, при чемъ безразлично кѣмъ такое ограниченіе проводится: феодалами, временщиками или же, что ужаснѣе всего, такъ-называемыми «выборными» изъ народа, *а въ дѣйствительности всегда отъ преобладающей въ данный моментъ партіи боичей.*

Конечно, господа, человечество не есть организмъ неподвижный, неизмѣнный, остающійся вѣчно въ одномъ и томъ же положеніи. Быть можетъ когда нибудь оно найдетъ еще болѣе совершенную форму госуд. строя, но пока этого нѣтъ, мы имѣемъ все нравственное право сказать, всѣмъ людямъ, всѣмъ народамъ: *создавайте и охраняйте неограниченное Самодержавіе и Величіе Вашихъ Царей.*

Я твердо вѣрю, что недолго уже ждать намъ того времени, когда искренніе ученые, отбросивъ схоластическую рутину, подобно нѣмецкому экономисту Лоренцу Штейну, смѣло, на основаніи жизненныхъ опыта и правды, скажутъ намъ, что самая народная и передовая форма правленія есть правленіе неограниченныхъ и Самодержавныхъ монарховъ, какъ предста-

вителей власти *независимой* (см. соч. Л. Штейна *Das Königsthum die Republic und das Souveränität der französischen Gesellschaft seit der Februar Revolution 1848, 2 Aug. 1855*).

Самый искренний и чистоплотный революционер не въ силахъ избѣжать лжи, если онъ берется критиковать дѣйствія неограниченнаго монарха.

Такъ, князь Крапоткинъ, въ своихъ «запискахъ революционера», тяжко грѣшитъ противъ истины, желая во что бы то ни стало видѣть «реакціонность» въ политикѣ Императора Александра II съ 1862 г., т. е. съ начала подавленія польскаго мятежа. Но исторія говоритъ намъ, что цѣлый рядъ благодѣтельныхъ реформъ, всѣмъ извѣстныхъ, слѣдовалъ *и во время и послѣ подавленія мятежа и преслѣдованія революционеровъ*. Дѣйствительно: покушенія на Государя слѣдуютъ съ 66-го года по 81-й годъ непрерывно (7 разъ!), — и въ тотъ же періодъ въ губерніяхъ вводятся гласные суды съ присяжными, земскія учрежденія, всеобщая воинская повинность 74 года н. т. д.

Гдѣ же, господа, „реакціонность“?

Я хорошо знаю, что въ то время, когда Императоръ Александръ II-й проводилъ величайшія въ исторіи народовъ реформы, — польскіе освободители освобожденнаго уже Русскимъ Царемъ польскаго народа събили наконюшнихъ своихъ «временно-обязанныхъ холоповъ», ратуя одновременно за политическую свободу и покойную „Рѣчь Посполитую“!...

Я знаю это, какъ и всѣ мы, и потому то мы, въ противоположность мнѣнію гг. Крапоткина, Бакунина и прочихъ, не можемъ видѣть въ подавленіи польскаго мятежа и крамолы какой то „реакціонности“ въ политикѣ Великаго Русскаго Царя.

Мы понимаемъ, конечно, что господамъ революционерамъ особенно ненавистна такая неограниченная Царская Власть, которая, *не волнуя населенія политическими выборами*, не трата попусту красныхъ словъ, одной рукой властно разбиваетъ честолюбивыя или ложныя стремленія партій, а другой рукой даруетъ народу благодѣтельныя реформы...

Но къ чему же искаженіе фактовъ, зачѣмъ грубая неправда, если у господъ Крапоткиныхъ и Бакуниныхъ не осталось ужъ никакой другой поды ногами почвы, кромѣ личныхъ идеаловъ и собственныхъ дѣяній?

Насъ корятъ Іоанномъ Грознымъ, гово-

ря: вотъ ваше Самодержавіе, за него ли вы стоите?

И снова, обращаясь къ фактамъ, мы отвечаемъ: то былъ, господа, 16-й вѣкъ, когда во всей Европѣ проливали кровь, когда лишь *парождались* монархіи, — когда въ Россіи шла борьба за установленіе неограниченнаго Самодержавія. И всѣмъ намъ извѣстно, — что, несмотря на свою больную душу, искаженную съ дѣтскихъ лѣтъ зрѣлищемъ боярскихъ распрей и убійствъ, что при измѣнѣ даже такихъ людей, какъ кн. Курбскій, Сильвестръ и Адашевъ, — Іоаннъ Грозный неуклонно преслѣдовалъ идею Величія Россіи и утвержденія неограниченной Царской Власти, борясь противъ козней удѣльныхъ князей.

Завоеваніе Казани, Астрахани, война съ Польшей и присоединеніе Сибири — все это такіе великіе акты, за которые многое можно бы и простить несчастному лично монарху, особенно, если вспомнить „святую инвизицію“ Западной Европы, съ ея кострами и пытками женщинъ и дѣтей, которыя гибли 10-ами тысячъ во имя религіозной идеи, *ad maiorem gloriam Dei*, — идею, я полагаю, *гораздо меньше государственной чѣмъ* неуклюжія попытки больного Царя создать могучее русское Царство. Намъ съ ироніей говорятъ: интересно знать, какъ избѣжите вы вліянія злостныхъ временщиковъ и недобросовѣстныхъ слугъ Царскихъ?

Дурныхъ людей, невѣрныхъ слугъ мы, конечно, не избѣжимъ, *какъ и всѣ народы, при всѣхъ формахъ правленія*: но за то мы избавимся отъ легкомысленнаго владычества партій, и устранимъ ту свободу, которая украсила за 3 года нашу страну висѣлками и бомбами, которая открыла широкій путь клеветникамъ, агитаторамъ и тѣмъ владыкамъ пера, которые наглостью и ложью заглушаютъ свободную мысль и совѣсть народа!

Мнѣ скажутъ: помилуйте — эти люди трудятся ради идеи, — ради идеи они зовутъ народъ на мятежъ и раздоры!

Можетъ быть это и такъ, но вѣдь и французскіе бандиты, грабившіе на большой дорогѣ, въ эпоху революціи, и тѣ думали, что защищаютъ „идею“, и на вопросъ о томъ, кто они, отвѣчали: „мы стоимъ за третье сословіе разбойниковъ“... (см. И. Тэнъ „Происхожденіе современной Франціи“, т. II, Анархія, стр. 61).

Въ общихъ идеяхъ ищется какая то

чарующая сила,—въ особенности, если онѣ просты и дѣйствуютъ на страсти. Нѣтъ ничего болѣе способнаго воспламенить сердце, какъ ученіе, льстящее человѣческому самолюбію и узаконяющее всѣ стремленія къ независимости и власти. Но согласитесь, господа, что отдавать до-вѣрчивую молодежь и простодушный народъ на съѣденіе даже „общимъ идеямъ“, даже во имя конституціи—преступно.

Наконецъ, русская исторія указала намъ въ особенно тяжкій періодъ жизни государства, совершенно опредѣленный выходъ: земскій соборъ въ составъ выборныхъ отъ *существующихъ* сословій и *классовъ* населенія, а не отъ „гражданъ“ вообще, какъ въ Европейскихъ парламентахъ и въ Г. Думѣ. Такой Соборъ собирается, *въ силу закона*, лишь въ исключительные моменты жизни русской: войны, измѣны правительства Царю или внутренней смуты.

Въ заключеніе я долженъ сказать на всѣ упреки нашихъ враговъ слѣдующее: если не все и не всегда было сдѣлано русскими неограниченными Царями въ пользу народа *русскаго*, то объясняется это исключительно несчастными стремленіями *партий и отдѣльных лицъ ограничить* и свести на „нѣтъ“ Величіе Рус-

скихъ Царей, но отнюдь не самой формой Самодержавнаго государственнаго строя. Съ этой точки зрѣнія, дѣятельность такихъ временщиковъ, какъ Биронъ и Витте съ ихъ послѣдователями, такихъ республиканцевъ, какъ французъ Робеспьеръ и князь Крапоткинъ, по своей конечной сущности, однородна.

Я утверждаю, что всѣ расхитители неограниченнаго Царскаго Самодержавія всегда и во всѣ времена губили и губятъ народную свободу, спокойствіе его и мирное счастье. *Вся разница только въ формахъ и въ именахъ.* И я, лично, никогда не рѣшусь сказать, что герцогъ Биронъ или графъ Витте, съ его послѣдователями, причинили больше зла, чѣмъ Крапоткинъ, Бакунинъ и Герценъ,—что республиканецъ Робеспьеръ былъ менѣе жестокъ, чѣмъ герцогъ Альба при Филиппѣ II Испанскомъ. Я могу только, на основаніи изложеннаго, сказать, что тотъ былъ наиболѣе зловреденъ для народной жизни, кто наиболѣе трудился надъ ограниченіемъ неограниченнаго Величества христіанскихъ Царей,—и что даже временщикъ, если онъ не посягаетъ на неограниченность монарха, менѣе ужасенъ, чѣмъ упорный и убѣжденный республиканецъ или конституционалистъ, стоящій у власти и трона.

ГЛАВА II.

Терроръ.

Руководители террора.

Кто руководилъ прежде и руководить теперь терроромъ въ Россіи?

Я думаю, господа, на этотъ вопросъ не трудно отвѣтить, если быть строго послѣдовательнымъ и опираться лишь на историческіе факты, невольными свидѣтелями которыхъ были наши отцы и, въ особенности, являемся мы сами въ настоящее время.

Прежде всего: кому должна быть особенно ненавистна *независимая* власть неограниченныхъ Русскихъ Царей?

Несомнѣнно, прежде всего, тѣмъ, кому она мѣшаетъ строить свое богатство и благополучіе на счетъ трудящихся классовъ населенія. Сюда относятся—иностранные и русскіе предприниматели, главнымъ образомъ евреи,—люди безъ отечества и

совѣсти, всегда склонные злоупотреблять довѣріемъ массы, люди, солидность предпріятій которыхъ основана всегда на рекламѣ, газетной лжи, подкупѣ вліятельныхъ лицъ и путаницѣ общественныхъ понятій. Въ нимъ примыкають, ихъ окружаетъ тѣснымъ кольцомъ льстивая стая международныхъ хищниковъ—мелкихъ аферистовъ, журнальных дѣльцовъ, ловкихъ агитаторовъ,—людей бойкихъ и нерѣдко талантливыхъ, готовыхъ на все, ради золотой игры, шумной и праздної жизни, среди вѣчныхъ народныхъ волненій, маетежъ и бѣдствій,—жизни, въ которой такъ сладко купаться этимъ сверхъ—людямъ, или вѣрнѣе—полулюдямъ, съ ожирѣвшей душой и легковѣсной совѣстью...

Для этихъ людей жизнь не болѣе, какъ «собрание отправленій, противодѣйствующихъ смерти»^{*)}).

И вотъ, своими „отправленіями“ они заражаютъ атмосферу и отравляютъ человечество!... Могутъ ли подобные элементы любить неограниченное Божественное Величество Царей—символь порядка, мирнаго могущества, труда, безпристрастія и христіанства въ Государствѣ?

Могутъ ли подобные люди въ полномъ блескѣ развернуть свои хищническіе таланты въ странѣ, гдѣ око Государево—Царское правительство—зорко слѣдитъ за дѣятельностью союзовъ, собраній и компаній?

Такимъ людямъ, въ такой странѣ, умерать приходится: для развеселаго житія на землѣ имъ нуженъ не порядокъ, а беспорядокъ—не спокойствіе, а мятежъ, не довольство общественное, а вражда народная!.. Самодержавіе имъ ненавистно: оно слишкомъ ужъ яро ограждаетъ населеніе отъ хищниковъ! Оно мѣшаетъ имъ свободѣ, имъ неприкосновенности... Имъ даже негдѣ говорить, возбуждать населеніе, *создавать* «идейную» послушную молодежь: имъ не даютъ свободы слова—оно подъ строгой цензурой!... Изъ дутыя предпріятія, процвѣтавъ на западѣ, лопались въ Россіи, какъ мыльные пузыри,—словомъ, положеніе этихъ господъ при неограниченномъ Самодержавіи — изъ рукъ вонъ плохое.

И вотъ, зорко слѣдя за политической жизнью народовъ, они страстно поддерживаютъ все, что можетъ повлечь за собою ослабленіе или уничтоженіе Самодержавія, сохранившагося въ Россіи. Неудавшіяся ли приватъ-доцентъ, съ небольшимъ талантомъ, но съ необузданнымъ честолюбіемъ, — выгнанный ли учитель или опустившійся или закружившійся студентъ,—неурожайный годъ или повальная болѣзнь либо война—всѣ и все имъ на руку, всѣ имъ дороги и милы. Они зовутъ всѣхъ честолюбцевъ, недовольныхъ и неудачниковъ подъ своимъ знаменемъ; они льстятъ имъ, ухаживаютъ за ними, поютъ имъ въ своихъ заграничныхъ, а затѣмъ русскихъ, газетахъ дивирамбы...

Вотъ начало, вотъ корень антинаціональнаго освободительнаго движенія, вотъ залогъ будущаго террора во всякой странѣ.

Такъ было во Франціи,—такъ и въ Россіи.

Я не буду голословнымъ: уже знамен-

итый Н. И. Пироговъ въ своихъ «Вопросахъ жизни» догадывался о существованіи какой-то тайной международной организаціи заговорщиковъ противъ Россіи. Вотъ, что онъ пишетъ по поводу взрыва 5 февраля 1880 года въ Зимнемъ Дворцѣ: «я не вѣрю, чтобы русская наша доморощенная молодежь — насколько я ее знаю — въ состояніи была, *безъ опытныхъ руководителей*, дѣйствовать съ такою дьявольскою энергическою выдержкой. Это ни прежде, ни теперь — не въ нашемъ духѣ. На это мастера романскіе народы, а изъ славянскаго племени развѣ одни поляки, искусившіеся въ заговорахъ. Событія послѣдняго времени доказываютъ существованіе плотно организованной и притомъ дѣйствующей послѣдовательно подпольной организаціи, *располагающей средствами* и преслѣдующей извѣстный планъ. Гдѣ точка ея опоры? — вотъ вопросъ; едва ли въ одномъ нашемъ обществѣ, т. е. въ нѣкоторыхъ слояхъ его; едва ли *малые руководители* съ ихъ подпольными пружинами находятся въ нашемъ обществѣ: для него это что то уже слишкомъ забористое и слишкомъ злодемонски устроенное. Нашъ домашній демонъ не такъ золъ, и въ своемъ злѣ не такъ энергиченъ и послѣдователенъ. Тутъ кроется организація въ родѣ той, которая учреждена была у итальянскихъ „карбонаріевъ“ и въ польскомъ жондѣ“...

Такъ думать и догадывался еще въ 1880 году великій русскій ученый о существованіи *международной организаціи* руководящей терроромъ. Эти догадки Пирогова совершенно ярко подтвердились фактами нашего времени.

5 Августа 1907 г. въ Новомъ Времени, за подписью М. Г. А., появилась интересная корреспонденція изъ Нью-Йорка, открывшая многимъ глаза на основной источникъ террора въ Россіи.

«Заокеанскіе друзья нашихъ освободителей» — такъ озаглавлена эта корреспонденція изъ Нью-Йорка.

Въ ней сообщалось слѣдующее:

Еще задолго до инородческаго освободительнаго движенія въ Россіи, — въ Америкѣ въ Нью-Йоркѣ образовалась «Society of the Friends of Russian» — „Общество друзей русскаго освобожденія“. Общество это является сильной поддержкой, какъ нравственной, такъ и матеріальной противорусскаго освободительнаго движенія въ Россіи. Членами его состоятъ извѣстные милліардеры, банкиры и

*) Прим.: опредѣленіе Биша.

масоны—Гульдъ, Шиффъ, Фарганъ, Кеннеди; всѣ банкиры Питсбурга, Бостона и Чикаго; ректоръ Нью-Йоркскаго Университета Johan Finley и масса профессоровъ, имѣющихъ вліяніе на молодежь; множество адвокатовъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточена политика страны,—большинство евреев,—также входитъ въ составъ этого общества. Оно поддерживаетъ связь съ Лондонскими и Парижскими ложами масоновъ и, между прочимъ, съ масонской организацией въ Парижѣ, извѣстной подъ именемъ Alliance Israélite; имѣетъ филиальныя отдѣленія не только въ Америкѣ, но и въ Англіи и въ Парижѣ, гдѣ председателемъ отдѣленія „Les amis du peuple russe“ состоитъ Анатоль Франсъ—еврей по происхожденію.

„Общество“ задалось цѣлью тайно открыто поддерживать революцію въ Россіи, собирая и жертвуя деньги—на терроръ, газеты, лекціи и подкупъ „полезныхъ“ сановниковъ, сплочивая всѣми средствами революціонныя силы въ Россіи и возбуждая европейское общественное мнѣніе противъ Царскаго Самодержавія, черной сотни и русскаго правительства.

„Общество друзей русскаго освобожденія“ призываетъ всѣ народы выразить свое негодованіе Царскому правительству за допущеніе якобы слѣдующихъ явленій:

1) поголовныхъ убійствъ женщинъ, дѣтей и стариковъ, совершаемыхъ черными сотнями;

2) противъ массовыхъ насилій, производимыхъ офицерами и солдатами надъ женщинами, дѣвушками и малолѣтними дѣвочками;

3) противъ распоряженія русскаго правительства жечь избы взбунтовавшихся крестьянъ, каковая мѣра производится Царскими казаками съ небывалой свирѣпостью и

4) противъ убійствъ и погромовъ, совершаемыхъ полиціей и войсками. . . .

Есть, господа, одна поразительная и неизмѣнная черта въ жизни человѣчества: организованное зло, съ которымъ всегда воевали и борются лучшіе люди на землѣ,—никогда не исчезало безслѣдно: побѣжденное въ одной своей формѣ, оно, словно сказочный оборотень, принимаетъ лишь другой обликъ, другую форму!... Человѣчество, съ величайшимъ трудомъ, избавилось отъ позорнаго рабства,—оно разбило, затѣмъ, и тяжкія цѣпи религіоз-

наго фанатизма іезуитовъ, и вздохнуло было уже свободно,—но демонъ зла, демонъ зависти, властолюбія или корысти или злостнаго заблужденія, принявъ новый обликъ—и *мрачный терроръ* вотъ уже полвѣка потрясаетъ государства, волнуется народы, ослабляетъ христіанскую власть и отдастъ ее тѣмъ, кто послушно клонитъ голову передъ новымъ идоломъ—Масонствомъ, врагомъ христіанства, Самодержавія и независимой свободы трудящихся классовъ.

Въ рукахъ тайныхъ Масонскихъ Ложъ, къ которымъ примыкаетъ и все богатое европейское еврейство и множество высокопоставленныхъ лицъ—сосредоточилась уже во многихъ государствахъ правительственная власть и дала себя знать рядомъ выступленій противъ христіанства.

Вотъ, что сообщаетъ „Новое Время“ 15 февраля 1908 г.:

„Внѣшніе извѣстія“.

Работа масоновъ. Берлинскій корреспондентъ «Neue Freie Presse» телеграфируетъ своей газетѣ: Въ началѣ мая пріѣдетъ въ Берлинъ депутація «великой ложи свободныхъ каменщиковъ» изъ Франціи, чтобы сдѣлать берлинскимъ ложамъ официальный визитъ. Великая ложа Франціи руководится при этомъ стремленіемъ положить начало дружественнымъ, братскимъ отношеніямъ не только между французскими и нѣмецкими свободными каменщиками, но и между нѣмецкими и французскимъ народомъ вообще. Этотъ визитъ, въ которомъ примутъ участіе многіе выдающіеся французскіе масоны, является отряднымъ знаменіемъ времени, прибавляетъ корреспондентъ, главнымъ образомъ потому, что, какъ извѣстно, французскія ложи, въ противоположность германскимъ, принимаютъ самое дѣятельное участіе въ политической жизни республики и пользуются въ ней громаднымъ вліяніемъ.

Если сопоставить съ этимъ извѣстіемъ «секретъ полишинеля», что все нынѣшнее французское министерство состоитъ изъ масоновъ разныхъ степеней, то придется серьезно считаться съ этимъ явнымъ предпріятіемъ французскихъ масоновъ. Тайно они давно работаютъ надъ франко-германскимъ примиреніемъ путемъ осмѣянія идеи реванша, разстройства арміи и, вообще, вытравленія чувства патріотизма въ французскихъ интеллигентныхъ слояхъ. Кто за ними стоитъ, видно изъ того, что объ этомъ будущемъ и великомъ событіи въ исторіи масонства оповѣщаетъ вѣнскій органъ «Alliance Israélite Universelle»!

Такія событія, господа, какъ недавнее, въ правительство того-же г-на Клемансо, «отдѣленіе церкви отъ государства» во Франціи, а въ сущности противозаконный захватъ церковныхъ богатствъ, накоплен-

ныхъ вѣками путемъ частныхъ и королевскихъ пожертвованій, — такіе акты, какъ удаленіе распятія Христа изъ присутственныхъ мѣстъ, не говоря уже о преслѣдованіяхъ ревностныхъ христіанъ на службѣ, даже военной (министръ Андрѣ), — являются зловѣщею угрозою христіанскому міру, вообще, и православнои Россіи, въ частности.

Не лучше, въ этомъ отношеніи, какъ извѣстно, и положеніе дѣлъ въ Америкѣ, гдѣ въ школахъ Нью-Йорка запрещена недавно христіанская молитва и празднованіе Р. Х.

Германія еще, правда, держится, но и она уже дрогнула подъ натискомъ социалистовъ — этой, въ большинствѣ, безсознательной, боевой дружины Всемирнаго Масонства. Борьба же съ Россіей продолжается до сихъ поръ и посягательство на священную неограниченность Самодержавія совершено, путемъ нерѣшительной политики правительства, уступокъ революціи и тѣхъ парламентскихъ началъ, которыми проникнута Г. Дума и въ силу которыхъ социалистъ-революціонеръ, ка-детъ и русскій честный человѣкъ засѣдаютъ въ одномъ Государственномъ Учрежденіи — въ Государственной Думѣ.

Одно истребленіе непосредственныхъ, прямыхъ террористовъ недостаточно для устраненія самаго явленія: необходимо уничтоженіе самой обстановки, условій, порождающихъ зло. Подобно тому, какъ для борьбы съ холерой или чумой современная дезинфекція уничтожаетъ все, что создаетъ эти болѣзни — грязь, нечистоты, зараженную воду и т. д., — такъ и въ борьбѣ съ терроромъ — этой чумой христіанской общественности — слѣдуетъ создать честную, здоровую обстановку, при которой терроръ не могъ бы появиться и долженъ былъ бы погибнуть, какъ холерная бацилла въ кипяченой водѣ... Парламентаризмъ, какъ признакъ слабости Верховной Власти, — и его неизбежныя дѣтища — партійная, нецензурная печать и такая же правительства, всегда любезныя съ тѣмъ, кто явится каллифомъ въ данный моментъ — вотъ условія смуты, вражды народной и террора въ современной Европѣ и у насъ. И до тѣхъ поръ, пока ведется ложная, всѣхъ раздражающая, политика съ антирусской революціей, — пока истребляться будутъ одни исполнители террора, а руководители, въ лицѣ ка-детовъ и социалистовъ, засѣдать даже въ Законодательномъ Учрежденіи, пока еврей-

ская пресса не будетъ задавлена силою Русской Власти, — до тѣхъ поръ, господа, смѣшно и не стоитъ мечтать о спасеніи Самодержавія отъ упорно растущихъ посягательствъ на него и о спасеніи русской народности отъ яда масонскихъ и еврейскихъ лжеученій социализма...

«Мнѣ странна и непонятна политика государствъ, — говоритъ Н. И. Пироговъ въ своихъ «Вопросахъ жизни», — «терпящихъ и отчасти охраняющихъ самыя гибельныя, безнравственныя и вредныя для общечеловѣческаго прогресса доктрины. Что это — чрезмѣрное уваженіе буквы закона, тупое равнодушіе или трусость?»

Въ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи — участіе и руководство терроромъ шло всегда изъ-за границы, отъ международныхъ организацій, отъ всевозможныхъ парижскихъ, лозанскихъ и лондонскихъ «друзей», которыхъ иностранныя правительства, если и не поддерживали открыто, — то во всякомъ случаѣ относились къ нимъ гостепріимно, свято помня дипломатическій принципъ: лишній врагъ сосѣдному государству — никогда не лишній.

Вспомните, господа, Бакунныхъ, Герцена, Крапоткина, Чернышевскаго, Милюкова, всегда угодливо искавшихъ поддержки тамъ, въ Европѣ, — всегда унижавшихъ достоинство Россіи передъ врагами ея Единства, Могущества и Славы, не понимавшихъ ни исторіи, ни духа народнаго, и не желавшихъ считаться ни съ чѣмъ, кромѣ собственныхъ взглядовъ и фальшивыхъ теорій; вспомните весь потокъ іезуитской клеветы, извергнутый этими тиранами на русскихъ людей, прослѣдите шагъ за шагомъ за ихъ туманными идеалами, за ихъ мрачною дѣятельностью, гдѣ грошевая сантиментальность и фразерство такъ плохо прикрываютъ партійное рабство, злобу, недовольство, зависть, — гдѣ убійство и взаимное шпіонство возведены въ принципъ, въ культъ, и гдѣ исполнители убійствъ не смѣютъ знать своихъ повелителей, — вспомните господа, все зло, приносимое этими людьми всѣмъ народамъ, и вы сами скажите тогда, какими мѣрами можно побѣдить и подавить терроръ, отстоявъ неограниченную и независимую Власть Самодержцевъ Русскихъ, а главное — съ кѣмъ нужно бороться правительству Самодержавнаго Царя.

Исполнители террора.

Для того, чтобы понять духъ, уловить настроеніе и познать мотивы, которые руководятъ исполнителями организованнаго террора, чтобы непосредственно ознакомиться съ ихъ подпольнымъ міркомъ, бытомъ и правами,—я обратился къ первоисточнику—къ ихъ „запискамъ и дневникамъ“, которые любезно публикуются во всеобщее свѣдѣніе и печатаются въ журналы „Былое“ и въ нѣкоторыхъ другихъ.

„Былое“, господа, какъ гласить его заглавіе, „журналъ, посвященный исторіи освободительнаго движенія, — издаваемый подъ редакціей Яковлева-Богучарскаго и Щеголева (недавно арестованнаго)“, при ближайшемъ участіи Н. П. Стародворскаго (убійцы капитана Судейкина), Вѣры Фигнеръ, Бороленки, кн. П. А. Браткина, П. Н. Милюкова, Евгенія Тарла, П. Вейнберга и другихъ столповъ бывшаго и нынѣшняго „освободительнаго“ движенія...

Когда человѣкъ затѣваетъ такое страшное дѣло, какъ обдуманное заранѣе убійство своего ближняго—мы всегда предполагаемъ, господа, что посягающій, если онъ нормальный человѣкъ, имѣетъ совершенно реальныя и серьезныя данныя для осуществленія своего преступнаго намѣренія: ревность, месть за разбитую жизнь, за оскорбленіе, алчная корысть, черная зависть—вотъ обыкновенные мотивы посягательства на чужую жизнь.

Но вотъ создается тайное общество, которое рѣшается на истребленіе неопредѣленнаго числа гражданъ, для достиженія поставленной цѣли. Естественно, вы убѣждены, что люди, рѣшившіеся на такое звѣрское дѣло, дѣйствуютъ ради *совершенно определенной* цѣли. Во всякомъ случаѣ здѣсь уже не можетъ быть мѣста *общимъ* фразамъ, *неопредѣленнымъ* планамъ, *туманнымъ* мечтамъ или *остроумнымъ* софизмамъ. И съ любопытствомъ вы читаете дневники и воспоминанія этихъ рѣшительныхъ и жестокихъ людей, которые со смѣхомъ убиваютъ по 50 человѣкъ заразъ, какъ на дачѣ Столыпина (Аптекарскій островъ, 12 Авг. 1906 года) или у Собора въ Севастополѣ (покушеніе на жизнь губернатора весною того же года), или же, напѣвая вальсъ Шопена, идутъ на висѣлицу, какъ Рагозинникова (убійца Максимовскаго—Нач. Гл. Тюр. Управленія, Октябрь 1907 года), начиненная вся динамитомъ!...

Но что же вы находите? Определенность цѣли? Детально разработанный планъ ея осуществленія?

Ничего подобнаго.

Оказывается,—исполнители звѣрскихъ партійныхъ постановленій не только не смѣютъ знать своихъ повелителей, но утѣшаются одними «идеалами», голыми теоріями, ни для кого даже изъ нихъ, террористовъ, не обязательными,—они довольствуются пустыми наивными разсужденіями и безапелляціонными приказами «уполномоченныхъ» отъ невѣдомаго большинству изъ нихъ „центрального (исполнительнаго) комитета“...

Эти люди, обрекающіе другихъ на смерть, сами идущіе въ пропасть—ставятъ себя ниже рядовыхъ солдатъ: ибо солдатъ знаетъ, что онъ дерется за такую вполне наглядную вещь, какъ кусокъ Русской земли и Царская Власть!...

Примѣры.

Анна Прибылева-Корба (Былое № 4, 1906 годъ), авторъ воспоминаній о бывшемъ артил. офицерѣ, революціонерѣ Сергѣѣ Дегаевѣ, убійцѣ кап. Судейкина,—упрекаетъ этого Дегаева въ тщеславіи, въ томъ, что ему хотѣлось попасть непременно въ тотъ руководящій органъ террора—Исполнительный Комитетъ, составъ котораго былъ неизвѣстенъ прямымъ участникамъ организованныхъ убійствъ.

Дегаевъ, какъ человѣкъ образованный, конечно, господа, стремился узнать—кто же эти таинственные люди, что это за Исполнительный Комитетъ, которому такъ безропотно покоряется вся довѣрчивая революціонная молодежь, довольствуясь скромной ролью убійцы изъ за угла того русскаго дѣятеля, котораго *укажутъ* имъ невѣдомые ихъ повелители. Но вотъ, Дегаевъ, который по словамъ Прибылевой-Корба, „въ 80 и 81 годахъ неизмѣнно оказывался хорошимъ работникомъ на разныхъ революціонныхъ поприщахъ и вѣрнымъ сотрудникомъ народовольцевъ, которые относились къ нему съ полнымъ довѣріемъ, считали его своимъ человѣкомъ и никогда не сомнѣвались въ его добропорядочности“,—этотъ Дегаевъ оказывается человѣкомъ „тщеславнымъ, честолюбцемъ“: онъ посылаетъ, черезъ агента комитета, составъ котораго ему, Дегаеву, совершенно неизвѣстенъ, письмо, въ которомъ жалуется, что, онъ, Дегаевъ, готовъ отдать комитету всѣ свои силы, а ко-

митетъ отказывается принять его въ свою среду, какъ бы не довѣрять ему. Тайственный комитетъ черезъ то же лицо, передавшее жалобу Дегаева, отвѣтилъ Дегаеву, что „очень цѣнить его услуги, безусловно довѣрять ему и, если не вводить его въ учрежденіе, *стоящее во главѣ революціоннаго движенія*, то только потому, что не находятъ его достаточно революціоннымъ. Если онъ, Дегаевъ, желаетъ проявить свое рвеніе къ дѣлу, ему предоставятъ возможность участвовать въ работахъ по террористическому акту, которая въ данный моментъ ведутся“.

Дегаевъ согласился.

«Его»—говоритъ та же Прибылева-Корба,—«допустили къ участию въ подбояхъ на Малой Садовой улицѣ, гдѣ минныя работы велись только по ночамъ и представляли большой рискъ и большую опасность. Этого искуся Дегаевъ провелъ благополучно, но положеніе его не измѣнилось», т. е., другими словами тайственный «Комитетъ» остался попрежнему и для г-на Дегаева покрытымъ мракомъ неизвѣстности.

Послѣ 1 марта 81 года Дегаевъ былъ арестованъ, но его затѣмъ отпустили, „за отсутствіемъ уликъ“, и по окончаніи курсовыхъ экзаменовъ въ Институтѣ Инженеровъ Путей Сообщенія,—онъ получаетъ даже *правительственную* командировку въ Архангельскую губернію, для инженерныхъ изысканій. По пріѣздѣ изъ командировки осенью 81-го года и вплоть до весны 82 года — Дегаевъ ведетъ дѣла — ельныя сношенія съ кронштадтскимъ военнымъ кружкомъ. „Но, продолжаетъ Прибылева-Корба,—„февральскіе аресты въ Москвѣ причинили Комитету новыя потери. Силы „Народной Воли“ были такъ надорваны, что о новыхъ предпріятіяхъ не могло быть и рѣчи... На очереди стало дѣло объ убійствѣ Судейкина. Онъ успѣлъ произвести такое опустошеніе въ рядахъ комитета и всей партіи, что неизбежно возникъ вопросъ объ его *устраненіи*“...

Затѣмъ, господа, идетъ подробный рассказъ о томъ, какъ, подчиняясь приказу невѣдомаго комитета, Дегаевъ заманиваетъ Судейкина на свою частную квартиру, гдѣ Стародворскій, съ 5-ю убійцами, вооруженными *короткими ломами*, неожиданно нападаетъ на него и, гоняясь по всей квартирѣ за безоружнымъ и раненымъ уже Судейкинымъ, добиваетъ его

гдѣ то въ чуланѣ. Показаніе самого Стародворскаго, нынѣ сотрудника журнала „Былое“, дышетъ поразительнымъ звѣрствомъ и хладнокровіемъ. Что же касается самого Дегаева, то онъ благополучно скрылся за границу, въ Лондонъ...

Вотъ, господа, какъ трудно попасть даже Дегаеву въ „Центральный Комитетъ“. Что же касается болѣе мелкихъ „освободителей“, то они даже и не мечтаютъ объ этой чести, слѣпо исполняя все, что прикажетъ „начальство“...

Такъ, если вѣрить господину М. В. Новорусскому, то оказывается, что онъ попалъ въ Шлиссельбургскую крѣпость лишь за то, что взялъ на храненіе у студента Ульянова, по дружбѣ къ нему, 3 фунта динамита и нитроглицеринъ, причемъ не поинтересовался даже узнать для чего понадобились эти продукты его товарищу Ульянову, „свято памятуя самое элементарное правило всякой конспираціи: каждый долженъ знать только то, что онъ самъ дѣлаетъ“... И лишь на судѣ онъ, Новорусскій, узналъ, что готовилось покушеніе на жизнь Императора Александра III, и что Генераловъ, Андреюшкинъ и Осиповъ съ бомбами въ рукахъ, а Канчеръ, Горкунъ и Волоховъ — развѣдчиками — выходили три раза на Невскій просп., выслеживая Императора.

Этого Новорусскій только что окончилъ тогда Петербургскую Духовную Академію, проведя въ стѣнахъ закрытыхъ учебныхъ заведеній 14 лѣтъ и прямо отправившись, затѣмъ, на 18½ лѣтъ, въ заточеніе въ Шлиссельбургскую крѣпость.

А вотъ, господа, примѣры «опредѣленности» тѣхъ цѣлей, ради которыхъ совершаютъ звѣрскія убійства исполнители террора.

С. Л. Перовская, соучастница въ убійствѣ Императора Александра II-го,—и одна изъ болѣе образованныхъ террористовъ своего времени,—повѣдала слѣдующія драгоцѣнныя мысли нѣкому Сергѣю Иванову, сидѣвшему въ свое время 1 годъ въ тюрьмѣ по тому же дѣлу, высланному, затѣмъ, на 5 лѣтъ въ Сибирь, а нынѣ, послѣ 17 октября 1905 года, состоящему сотрудникомъ «Былое»:

«Наши противники, сказала Перовская, взводятъ на насъ, между прочимъ, обвиненіе, что мы хотимъ воскресить старый, уже осужденный исторіей, якобинскій принципъ захвата власти во всемъ его старомъ значеніи. Говорить это можно лишь по недоразумѣнію или же съ пред namѣрен-

ной тенденціозностью. Наши цѣли и тактика не имѣютъ ничего общаго съ этимъ Якобинскимъ принципомъ... Нашъ девизъ «Народная Воля» не является пустымъ звукомъ, а, дѣйствительно, выражаетъ собою сущность нашей программы. За собою мы оставляемъ лишь одно право—свободной пропаганды своихъ идей, а во всемъ остальномъ готовы подчиняться верховной волѣ народа, выраженной ясно и свободно»...

Итакъ госпожа Перовская указываетъ здѣсь 1) на безкорыстіе революціонной партіи: отказъ отъ захвата власти; 2) на цѣль с.-р. партіи: «народная воля, выраженная ясно и свободно» (?) и 3) за собою Перовская и ея друзья оставляютъ, по ея словамъ „лишь, одно право—свободной пропаганды своихъ идей“...

А далѣе, продолжая высказываться, Перовская говоритъ тому же Иванову слѣдующее: «захватъ власти революціонной партіей желателенъ»... Необходимо это для того, чтобы «создать послѣ паденія этого строя такую общественную обстановку, при которой *весь народъ имѣлъ бы фактическую* возможность выразить свободно волю и *осуществить* ее».

Какъ согласовать, господа, безкорыстіе революціонной партіи, отказавшейся отъ захвата власти съ „желательностью захвата власти“ и какъ связать, далѣе, эту „желательность захвата власти“ съ „такой общественной обстановкой, при которой *весь народъ имѣлъ бы фактическую* возможность выразить свободно волю и *осуществить* ее“, а также съ тѣмъ заявленіемъ Перовской, гдѣ она говоритъ: „мы, революціонеры, оставляемъ за собою лишь одно право—свободной пропаганды своихъ идей“?...

Признаюсь, господа, что найти связь въ этихъ мысляхъ Перовской, не менѣе трудно, чѣмъ „создать такую общественную обстановку, при которой *весь народъ имѣлъ бы фактическую* возможность выразить свободно волю“ и, въ особенности, *ее осуществить*.

Въ № 5 подпольнаго изданія „Земля и Воля“ помѣщено слѣдующее стихотвореніе Н. А. Саблина, который застрѣлился въ ночь на 3-е марта 1881 года, въ тюрьмѣ:

Голуби.

Голуби по двору ходятъ — воркуютъ
Сизою артелью своей,
Все подозрительно какъ то толкуютъ,
Быстро летать отъ людей.

Часто гурьбою громадной слетаются
Мирно ко мнѣ подъ окно;
Цѣлой коммуною дружно питаются,
Дѣлать по братски зерно.
Видно вліяніе идей растѣвающихъ,
Въ бѣдной семьѣ голубей—
Мыслей основы, основъ подрываю-
щихъ,

Соціализма идей.

Гдѣ у нихъ личность отъ злыхъ огра-
ждающій—

Мудрой полиціи глазъ?

Гдѣ у нихъ кормчій, ихъ жизнь на-
правляющій,—

Этотъ порядка компасъ?

Здѣсь анархизма примѣръ замѣчается,
Страшный примѣръ для людей:

Браки—свободны,—никто не вѣнчается,
Нѣтъ ни поповъ, ни церквей.

Голуби сизые, пташечки бѣдныя,
Развращены вы совсѣмъ!

Кѣмъ же идеи эти зловерныя
Къ вамъ прививаются?—Кѣмъ?

Скажутъ—природой... Для благъ чело-
вѣчества

Выскажу мнѣнье свое:

Если природа враждебна отечеству

Выслать подальше ее!

Отъ такихъ птичьихъ теорій, отъ та-
кихъ дикихъ идеаловъ и цѣлей, господа,
до террора и жестокости—одинъ шагъ.
Разъ человекъ поставилъ себѣ цѣль,
противную человеческой, а не «голуби-
ной» природѣ, и рѣшилъ навязать свои
идеалы ста милліонамъ другихъ, во что
бы то ни стало, даже противъ ихъ воли и
правовъ—онъ неминуемо долженъ вступи-
тить на путь обмана и насиія, чтобы
заставить всю непослушную массу при-
знать его авторитетъ и дѣйствовать
такъ, какъ угодно его революціонному
величеству. И дѣйствительно. Начиная съ
60-хъ годовъ, съ освобожденія крестьянъ
отъ крѣпостной зависимости, въ Россіи
начинается обманъ крестьянъ, извѣстный
подъ именемъ знаменитаго «хожденія въ
народъ». Какъ и зачѣмъ «ходили въ на-
родъ» исполнители—революціонеры,—на-
сколько составители прокламацій созна-
тельно обманывали народъ,—видно, меж-
ду прочимъ, изъ прокламаціи, составлен-
ной въ 1862 году, т. е. сейчасъ послѣ
освобожденія, крестьянъ, извѣстнымъ пи-
сателемъ Н. Г. Чернышевскимъ, авторомъ
довольно неумнаго романа «Что дѣлать»?

Вотъ эта прокламація:

Воззваніе къ барскимъ крестьянамъ.

«Барскимъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ.

Ждали вы, что дастъ вамъ Царь волю, вотъ вамъ и вышла отъ Царя воля.

Хороша ли воля, какую далъ вамъ Царь, сами вы теперь знаете.

Много тутъ рассказывать нечего»...

И далѣе, на 6 печатныхъ страницахъ, авторъ, поддѣлываясь подъ мужицкую рѣчь, доказываетъ, что никакой воли Царь и не давалъ.

....«Такъ вотъ оно къ чему по Царскому манифесту да по указамъ дѣло поведено; не къ волѣ, а къ тому оно идетъ, чтобы въ вѣчную кабалу васъ помѣшники взяли, да еще въ такую кабалу, которая гораздо и гораздо хуже нонѣшней.

А не зналъ Царь что ли, какое дѣло онъ дѣлаетъ? Да сами вы посудите, мудро ли это разобрать. Значить, зналъ. Ну и разсудите, чего надѣяться вамъ на него.... *(многоточіе автора прокламаціи).*

А почему не дождетесь отъ него, то же разсудить можно. Самъ то онъ кто такой, коли не тотъ же помѣшникъ? Удѣльные то крестьяне чьи же? Вѣдь они его крестьяне крѣпостные.

Да и васъ то въ крѣпостные помѣщикамъ все Цари же отдали, иныхъ давно, такъ что вамъ уже и не памятно, а другихъ не больно давно, такъ что дѣды помнить.

Прабабка нонѣшняго Царя Екатерина отдала въ крѣпостные изъ вольныхъ. А есть еще такіе неразумные, что ее матушкой величаютъ. Хороша матушка—дѣтей въ кабалу отдала.

Вы у помѣщиковъ крѣпостные, а помѣшники у Царя слуги, онъ надъ ними помѣщикъ. Значить, что онъ, что они все равно.....»

Далѣе, однако, авторъ находитъ не излишнимъ объяснить, почему же все-таки Царь далъ волю крестьянамъ, хотя нѣсколькими строками выше авторъ и находилъ, что воля эта „гораздо и гораздо хуже кабалы“. А что манифестъ, да указы выпустили, будто вамъ даетъ... А почему сдѣлалъ, вотъ почему: у французовъ, да у англичанъ крѣпостного народа нѣтъ, вотъ они ему глаза и кололи, что у тебя, говорятъ, народъ въ кабалѣ. Ему и стыдно передъ ними стало . . . . .

. . . Волю, слышь, далъ вамъ! Да развѣ такая и вправду то воля бываетъ? Хотите знать, такъ вотъ какая.

Вотъ у французовъ воля“....

И г. Чернышевскій тѣмъ же фальшивымъ мужицкимъ голосомъ рассказываетъ, какая такая „хорошая воля“ у англичанъ и французовъ (объ американцахъ онъ скромно умалчиваетъ)...

Воззваніе Чернышевскаго кончается тоже весьма характерно:

«...А это наше письмецо промежъ себя читайте, да другъ дружку раздавайте. А кромѣ своего брата мужика да солдата отъ всѣхъ его прячьте, потому что для мужика да для солдата наше письмецо писано, а къ другому ни къ кому оно не писано, значить окромѣ васъ, крестьянъ да солдатъ, никому и знать объ немъ не слѣдуетъ.

Оставайтесь здоровы, да вѣсти отъ насъ ждите. Вы себя берегите до поры до времени, а ужъ отъ насъ вы безъ наставленья не останетесь, когда пора будетъ...

Печатано письмецо это въ славномъ городѣ Христіаніи, въ славномъ царствѣ Шведскомъ, потому что въ русскомъ царствѣ царь печатать правды не везить.

А мы всѣ люди русскіе и промежъ васъ находимся, только до поры до времени не открываемся, потому что на доброе дѣло себя бережемъ, какъ и васъ просимъ, чтобы вы себя берегли.

А когда пора будетъ за доброе приняться, тогда откроемся».

Авторъ воспоминаній о Чернышевскомъ, Михаилъ Лемке, восторгаясь этимъ воззваніемъ, добавляетъ отъ себя: «каждый, внимательно прочитавшій эту въ своемъ родѣ единственную прокламацію, согласится, что написана она очень удачно и умѣло; все, кончая «славнымъ городомъ Христіаніей», соображено и взвѣшено именно въ отношеніи крестьянина.

Мы же, съ своей стороны, для окончательной характеристики г. Чернышевскаго, приведемъ слѣдующія его собственныя слова, взятые нами изъ его показанія Сенату 7-го іюня 1862 года. Въ подтвержденіе того обстоятельства, что онъ, Чернышевскій, не выѣзжалъ изъ Россіи, избѣгая суда, т.-е. ему и въ Россіи жилось хорошо,—Чернышевскій сказалъ: „я уже привыкъ получать и проживать много. Я имѣлъ тысячъ 10 въ годъ и больше, но проживалъ всѣ деньги, которыя получалъ“*) . . . . .

*) Г. Чернышевскій, по замѣчанію редакціи Былого «жилъ вообще широко: держалъ лошадей и повара».

...
 Къ этому, господа, я думаю, и прибавлять нечего: русскимъ людямъ я представляю заклѣпить г. Чернышевскаго — барича, «привыкшаго проживать болѣе 10 тысячъ въ годъ» и фабрикующаго завѣдомо ложное воззванье къ простому люду, въ надеждѣ на его довѣрчивость и темноту!..

Я думаю, что слово «убійца» не будетъ слишкомъ рѣзкимъ для опредѣленія духовнаго облика этого господина и ему подобныхъ....

«Хожденіе въ народъ», однако, не принесло желанныхъ плодовъ господамъ революціонерамъ, если не считать нѣсколькихъ крестьянскихъ волненій, осмѣянныхъ еще Данилевскимъ, — скорѣе подходящихъ подъ понятіе деревенскихъ скандаловъ, сильно раздутыхъ администраціей, и только лишній разъ подчеркнувшихъ тотъ фактъ, что величайшая реформа проведена мирно, благодаря Самодержавному строю. Впрочемъ и сами господа революціонеры *вынуждены были съ юречью признать* совершившійся фактъ освобожденія крестьянъ и обратиться къ другимъ средствамъ борьбы съ Самодержавіемъ.

«...Потомъ только они (революціонеры) увидѣли, какъ *переоцѣнили* настроеніе крестьянъ», — говоритъ Михаилъ Лемке — авторъ воспоминаній о Чернышевскомъ.

«Я и мои товарищи», — сказала Софья Перовская Сергѣю Иванову, автору воспоминаній о 81 годѣ, — «вышли изъ кружка пропагандистовъ-народниковъ и принуждены были, послѣ долгихъ *безплодныхъ* попытокъ мирной дѣятельности пробивать терроромъ брешь въ той глухой стѣнѣ, о которую разбивались эти попытки»...

И вотъ, господа, началась та безпримѣрная въ исторіи народовъ, по недоумислю своему и жестокости, охота за Самодержцемъ-реформаторомъ, — тотъ терроръ, который въ желѣзныхъ еврейскихъ тискахъ сдавилъ теперь свободную мысль всей русской Россіи...

Я не стану воскрешать передъ вами полной картины варварства террористовъ: это значило бы лишній разъ напоминать вамъ о томъ, что ежечасно передъ глазами, это значило бы снова возстановить передъ вами тѣ далекія времена, когда то же, господа, во имя яко бы великой идеи — *ad maiorem gloriam Dei* (во славу Божью) — могучая партія религіозныхъ фаанатиковъ-іезуитовъ освѣтила міръ кострами и руками наемныхъ убійцъ истреб-

ляла „неповорныхъ“ гражданъ и королей!.. *) Я замѣчу только, — что когда это подпольное царство террористовъ вышло, послѣ 17 октября, изъ своего Ада на Русскую землю, во всей своей омерзительной наготѣ, тогда даже люди, привыкшіе по книгамъ уважать революцію, отвернулись отъ этого Ада:

Тогда даже такой матерый республиканецъ и либераль, какъ извѣстный адвокат Плевако заплѣлъ „Боже, Царя храни“!..

А теперь, господа, я перехожу къ вопросу о томъ, допустима ли смертная казнь въ отношеніи террористовъ и ихъ главарей, — достаточно ли одной смертной казни для подавленія террора и, если нѣтъ, то какія мѣры слѣдуетъ принять немедленно для прекращенія его въ Россіи навсегда.

Критика доводовъ, приводимыхъ противниками смертной казни за терроръ.

Противники смертной казни за терроръ приводятъ обыкновенно слѣдующіе доводы.

1) Наказаніе должно исправлять преступника: нѣтъ такого злодѣя, котораго нельзя было бы исправить. Смертная казнь отнимаетъ возможность исправленія.

«По всѣмъ свидѣтельствамъ опытныхъ тюремныхъ чиновниковъ, говоритъ Миттермайеръ въ § 12 своего изслѣдованія, оказывается, что ни въ одномъ преступникѣ не слѣдуетъ предполагать неспособности къ исправленію».

Въ подтвержденіе этой мысли авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ исправленія убійцъ *изъ корысти, мести и ревности*.

Новѣдъ *исправить*, господа, значить *переубѣдить*, значить *уничтожить тѣ ложныя и преступныя побужденія*, которыя влекутъ преступника на преступленіе.

Попробуйте же переубѣдить господъ Дегаевыхъ, Стародворскихъ, Гершуней, Перовскихъ, Спиридоновыхъ, Рагозинниковыхъ и т. д. Нѣтъ, господа, быть можетъ нѣкоторыхъ изъ *исполнителей* террора и возможно исправить, при извѣстныхъ условіяхъ, — но вы попытайтесь переубѣдить ихъ *вдохновителей* — различныхъ доцентовъ Святловскихъ, рвущихъ чужія газеты въ кулуарахъ суда, какъ «черносотенныя», академиковъ Марковыхъ, возбуж-

*) Такъ, напр., гуманнѣйшій изъ королей Франціи — Генрихъ IV-й былъ убитъ Равальякомъ, нанятымъ для этого іезуитами.

дающихъ студентовъ избивать своихъ товарищей за принадлежность къ С. Р. Н. *) (осень 1906 года), всѣхъ этихъ сотрудниковъ «Былого» господъ Милюковыхъ, Тарла, Гредескуловъ, Гессеновъ и сего, — попробуйте ихъ, открыто восхваляющихъ убійцъ, какъ героевъ, — «борцовъ противъ Самодержавія», — убѣдить или переубѣдить!!

Я думаю, что и трудиться не стоитъ: и пока господа Милюковы и К° не дорвутся до министерскихъ портфелей — они всегда будутъ въ „оппозиціи“, восхваляя убійцъ, заискивая передъ „Уларами“ и трактуя о „братствѣ, равенствѣ и свободѣ“. А если бы случилось когда нибудь такое несчастье, то на мѣсто господъ Милюковыхъ появились бы новые представители „оппозиціи“, тѣ же, по существу, Милюковы, — только съ другими именами и другими девизами. И такъ безъ конца, пока живъ парламентскій строй...

Господа! Въ каждомъ *тяжкомъ* преступленіи есть нѣчто такое, повторить чего данный преступникъ уже не въ силахъ; но въ самой идее террора, именно, этого смягчающаго обстоятельства и нѣтъ: напротивъ, въ ней имѣется совершенно противоположный моментъ: убійство *неопредѣленно* числа лицъ какъ носителей монархической идеи, какъ выразителей ея власти, — для уничтоженія или ослабленія самой власти.

Такъ Рагозинникова, убивая Нач. Гл. Тюремнаго Управленія Максимовскаго въ октябрь 1907 года, въ то же время приготовлена взорвать „охранное отдѣленіе“, т. е. убить совершенно неопредѣленное число лицъ. Такъ, при покушеніи на П. А. Столыпина (12 авг. 1906 г.) взрывомъ бомбы убивается до 50 человекъ, и въ томъ числѣ калѣчатся *дети* Министра. Вотъ эта черта дѣлаетъ террориста, такъ сказать, сверхъ-преступникомъ и ставитъ его внѣ нормальнаго закона.

Законы пишутся для людей, а не для звѣрей и сумасшедшихъ, начиненныхъ динамитомъ и мелниномъ. Законъ — есть предѣлъ человѣческой распушенности, страсти и эгоизму. Законъ говорить — вотъ граница: не переступай ее — тамъ пропасть.

Но, разумѣется, и человекъ, преступившій законъ, какъ учрежденіе человѣческое, можетъ быть помилованъ: *не можетъ быть лишь помилованъ тотъ, кто преступилъ самое помилованіе и, убивая человека, убилъ и законъ и чувство милосердія...* Не можетъ быть помилованъ террористъ!

*) Союзъ Русскаго Народа.

Я убѣжденъ, господа, что думать намъ теперь объ исправленіи господъ террористовъ такъ же несправедливо и безумно, какъ наряжать въ модные фраки арестантовъ и читать имъ лекціи о вредѣ табаку въ то время, когда честные граждане подавлены разноначаліемъ, терроромъ и революціонной пропагандой.

Гуманность, которая проповѣдуетъ неприкосновенность главарей террора и непротивленіе злу — жестокая и односторонняя гуманность!

Мнѣ скажутъ: позвольте, милостивый государь, ваши доводы противорѣчатъ современной дѣйствительности. Вѣдь, кажется, ни при одномъ правителѣ Россіи никогда не вѣшали террористовъ такъ много и такъ безпощадно, какъ въ министерство Столыпина: вѣшаютъ безъ различія пола, возраста, образованія и даже, не различая въ преступленіяхъ — приготовленія отъ покушенія и самаго исполненія дѣяній! Число казненныхъ за послѣдніе полтора года превышаетъ уже цифру въ 3000 человекъ... — И что же развѣ прекратился терроръ? Что же, сударь, помогла ваша смертная казнь?..

Да, отвѣчу я, такая система смертныхъ казней, которая практикуется теперь, конечно — *безцѣльна, несправедлива и жестока*.

Безцѣльна она потому, что, оставляя *главарей* революціи и террора неприкосновенными, такая система лишь ослабляетъ Самодержавную Власть Государя Императора, расшатываетъ ее въ корнѣ, какъ бы выставая на показъ ея якобы безсиліе передъ крамолой, какъ бы говоря Россіи: ну что, взяли вы съ Вашимъ Самодержавіемъ? Что выиграли вы для Величія страны и укрѣпленія Самодержавной Власти Царей, похоронивъ на Лисьемъ носу и въ крѣпостяхъ нѣсколько сотенъ сумасшедшихъ Геростратовъ, истеричныхъ дѣвушекъ и прочихъ младенцевъ революціи?!

Серъ Милюковъ — депутатъ, неприкосновенная особа, глава нелегальной партіи и повѣренный по дѣламъ нью-іоркскихъ и питсбургскихъ банкировъ — ѣдетъ, съ вѣдомомъ кадетской партіи и правительства, въ Америку отдавать отчетъ передъ своими довѣрителями, клеимтъ русскія власти, завѣдомо лжетъ на русскіхъ людей и, выслушавъ словесное сообщеніе еврея Улара (псевдонимъ) о томъ, что онъ, Уларъ, «самъ уже подписалъ смертные приговоры трехсотъ русскихъ людей» (см. Нов. Вр.

7 янв. 1908 г. № 11440) — «враговъ свободы, изъ коихъ 250 убиты» — съ покойной душой, въ сознаніи важности миссии исполненной передъ революціей, возвращается въ Россію въ концѣ января мѣсяца...

А вотъ 7-го февраля на великаго князя Николая Николаевича и мин. юстиціи Щегловитова уже готовится покушеніе — и семь русскихъ дураковъ по приказу «уполномоченнаго центрального комитета», съ бомбами и браунингами въ рукахъ, караулятъ великаго князя и министра, чтобы убить ихъ. «Дурачковъ» разумѣется ловятъ, вѣшаютъ чуть не въ 24 часа, а еврейскія газеты на русскомъ языкѣ «молча констатируютъ фактъ» и, выражаясь языкомъ думскихъ конституціоналистовъ, «переходятъ къ очереднымъ дѣламъ»... И снова идутъ очередныя убійства, и снова даже братъ перваго министра, Александръ Столыпинъ, не желая считаться съ высокими мнѣніемъ Государя Императора, глумится надъ представителями русскихъ людей и докторомъ Дубровинимъ, на другой же день послѣ того, какъ Государю благоугодно было Высочайше одобрить дѣятельность этихъ русскихъ людей...

Такая система не только безцѣльна, но и несправедлива и жестока.

Я, лично, господа, зналъ одного изъ повѣшенныхъ дурачковъ по послѣднему дѣлу 7-ми петербургскихъ террористовъ; 4 года тому назадъ въ намъ, въ семью, одна изъ только что поступившихъ на Высшіе курсы институтокъ — подруга моей сестры — привела свою подругу по институту Лидію Стурѣ, окон. Елизаветинскій институтъ въ томъ же 1902 году.

Лидія Стурѣ имѣла тогда на плечахъ цѣлыхъ 18 или 17 лѣтъ, небольшую головку и весьма привлекательную наружность. Она была у насъ разъ 5—8 въ теченіе зимняго сезона и на меня, лично, да и на всѣхъ нашихъ, производила впечатлѣніе очень хорошенькой, даже красивой, но очень глупенькой барышни. Намъ стало извѣстно, что Лидочка Стурѣ, дочь подполковника, что родители ея, люди небогатые, живутъ въ Двинскѣ; старшая сестра замужемъ за офицеромъ и что Лидія Стурѣ любимица не только своей матери, но и замужней сестры. Лидію довольно часто навѣщала ея мать, чтобы привезти ей деньги, необходимыя для платы за лекціи и за комнату, гдѣ ея доч-

ка жила съ подругами «по-студенчески», — а главное для того, чтобы посмотреть, каковы успѣхи ея Лидочки, держитъ ли она экзамены и не сбили ли ее съ толку „разные тамъ социаллисты и студенты“. Я хорошо, господа, помню (тогда только что загорѣлась война), какъ Лидія Стурѣ умоляла свою мать отпустить ее сестрой милосердія на Д. Востокъ, куда отправилась сестра ея, слѣдуя за своимъ мужемъ. И я хорошо знаю, какъ много потребовалось убѣжденій со стороны и матери ея и подругъ, чтобы остановить этотъ патріотическій порывъ и доказать ей безцѣльность и опасность, при ея изнѣженной натурѣ, даже одной поѣздки на Д. Востокъ.

И теперь, не только я, но, вѣроятно, и старушка мать ея и родные ея и подруги жалѣютъ, что, 4 года назадъ, удержали ее отъ поѣздки на Д. Востокъ и, въ разгаръ революціи, неволью отдали въ жертву тѣхъ, кто, разставляя тетета Самодержавію, ловить политическихъ младенцевъ, чтобы руками ихъ достичь умаленія Царской Власти и водворенія въ Россіи конституціоннаго строя.

Но развѣ можно винить, господа, провинціальныхъ небогатыхъ дворянъ и офицеровъ, что они отпускаютъ въ Петербургъ своихъ молоденькихъ дочерей продолжать свое образование? Вѣдь эти русскіе люди вѣрятъ, что тамъ, въ Петербургѣ, въ центрѣ умственной жизни, въ университетахъ и на Высшихъ курсахъ ихъ дѣти разовьются и получатъ широкія познанія... Развѣ 4 года тому назадъ, Двинскій подполковникъ Стурѣ и его престарѣлая жена могли предположить, что господа профессора занимаются «освободительнымъ движеніемъ», «полноправіемъ» евреевъ, борьбой съ «Царскимъ Самодержавіемъ», а совсѣмъ не наукою; что до науки и познаній вѣтренныхъ попеченію ихъ Лидочекъ—имъ нѣтъ никакого дѣла?—И вотъ, вмѣсто науки, передъ Лидочкой открывается заря „освободительнаго движенія“.. Это, господа, почище скромной роли сестры милосердія на Д. Востокѣ; тамъ—спасеніе нѣсколькихъ русскихъ солдатъ, а тутъ—спасеніе всего человѣчества, угнетеннаго тираніей! Какая огромная разница! Какое блестящее поприще для подвиговъ и славы!—А тутъ ее окружаютъ бородатые ех-студенты, за 30 лѣтъ, здоровые, шумные, —нигилисты по вѣрѣ и циники по жизни: они то льстятъ ей, то смѣются надъ ея „аристократизмомъ“,

то водять на «интересныя» собранія, гдѣ все такъ ново, такъ свободно и безумно: не признають ничего,—все отрицають, кромѣ „Земли и Воли“, и силѣ Власти грозятъ силою бомбы!...

Какъ не закружиться неразумной и смѣлой головѣ 18-ти лѣтней барышни: вѣдь прямо съ институтской скамьи, отъ класной дамы, да въ самое пекло... И вотъ прошло 4 года и Лидія Стурѣ, русская дворянка, дочь офицера, стоитъ уже близъ Великокняжескаго Дворца возлѣ какого то крестьянина Синегуба и держитъ въ рукѣ данный ей браунингъ... Она свято исполняетъ волю невѣдомаго ей «центрального комитета»: она вѣдь поклялась умереть за „Землю и Волю“... Она, господа, простое орудіе: ей безразлично уже въ кого стрѣлять:—въ министра, городского, въ Великаго Князя или просто на воздухъ, какъ указалъ, *Синегубъ*“...

—Она искала „поэзію въ смерти“, такъ изволила выразиться одна изъ ея милыхъ подругъ...

Я не знаю, господа, можетъ быть и поэтично быть задавленной веревкой палачана Лисъемъ Носу: это дѣло вкуса,—но я думаю, что Лидія Стурѣ, никого не убившая, и подобныя ей, достойна была исправленія, достойна того, чтобы въ теченіе года превратить ее въ яраго члена Союза Русскаго Народа...

Но у Лидіи Стурѣ, русской дворянки, не было *революціонной* протекціи—за нее не вступилась еврейская пресса, какъ за Спиридонову, звѣрски убившую Луженовскаго, какъ за Ильинскаго—убійцу графа Игнатова или Гершуни, читающаго нынѣ лекціи за границей... Руководителямъ террора была уже не интересна болѣе Лидія Стурѣ, какъ революціонный матеріалъ: она не умѣла хорошо говорить, была слишкомъ пылкая и еще болѣе довѣрчивая, и, чего добраго, могла, по неразумію, навредить впослѣдствіи дѣлу революціи. И вотъ ее надо было скорѣе использовать: авось она убьетъ Министра Юстиціи или Великаго Князя,—а если и не сумѣетъ убить, то все же пріятно во всеуслышанье заявить, что вотъ де русскія дворянки, офицерскія дочки и тѣ возмущены «режимомъ» и ненавидятъ Самодержавіе до такой степени, что среди бѣла дня отправляются съ „Синегубами“ убивать русскихъ Великихъ Князей и вѣрныхъ Царю Министровъ... Между прочимъ о Лидіи Стурѣ въ лѣвыхъ

газетахъ почти ни полслова: такъ только, краткая довольно замѣтка „Бирж. Вѣдомостей“,—что молъ „Синегубъ, Маріо Кальвино и др., въ кол. 7 человекъ повѣшены на разсвѣтъ 17 февраля на Лисъемъ Носу... Конституціонные сановники не задумались повѣсить эту Лидію Стурѣ за *приготовленіе* къ убійству. Другое дѣло „Маруся“ Спиридонова! Или убійца Царскаго генераль-адъютанта графа Игнатова—Ильинскій. За нихъ яро вступилась вся революціонная пресса, вся кадетская партія забила тревогу: къ г. Столыпину понеслись мольбы, угрозы, ходатайства... И чуткій къ голосу еврейскихъ газетъ премьеръ сдѣлалъ такъ, что Ильинскій, напр., приговоренъ былъ за убійство лишь къ 11 годамъ каторги, а „Марусю“ Спиридонову везли въ Сибирь, увѣнчанную букетами цвѣтовъ, устраивая по пути оваціи чуть не на каждой станціи, и помѣщая портреты ея даже въ такихъ умѣренныхъ и распространенныхъ журналахъ, какъ „Нива“.... *)

Такая система смертныхъ казней, господа, и *безцѣльна* и *несправедлива*, и *жестокъ*: не унимая террора, она дѣлаетъ изъ больныхъ воображеніемъ дѣвушекъ и юнцовъ—героевъ, возбуждаетъ антипатію къ правительству и подрываетъ довѣріе къ чистотѣ монархической идеѣ! Такая «конституціонная» дѣятельность сановниковъ слишкомъ ужъ рѣзко подчеркиваетъ свою неправду и фальшь и заставляетъ насъ думать, что конституція, беззаконіе и „Лисій Носъ“ окончательно породнились въ Россіи и создали тотъ заколдованный кругъ, въ которомъ закружились головы россіянъ и пропали здоровый разумъ и чистая совѣсть.

2) Говорятъ, дагѣ, что смертная казнь не устрашаетъ преступника. И въ доказательство приводятъ случаи совершенія въ толпѣ, во время публичной казни, того самаго преступленія, за которое преступникъ подвергается смертной казни.

Все это вѣрно, но только не въ отношеніи сверхъ-преступника—террориста. Террористъ, именно, тотъ преступникъ, который только и вѣритъ въ устрашеніе власти и, какъ показали событія послѣднихъ лѣтъ, не безъ основанія... Зачѣмъ же мы станемъ отвергать мотивъ устраше-

*) Спиридонова, какъ и слѣдовало ожидать, «бѣжала». По газетнымъ слухамъ «она бѣжала» въ Новую Зеландію.

нія для террориста, если онъ самъ признаетъ этотъ мотивъ?!

Что же касается публичности исполненія казни, то я, лично, отрицаю цѣлесообразность этой мѣры, какъ развращающей населеніе, приучая его къ зрѣлищамъ жестокихъ картинъ и возбуждая низменные страсти.

3) Указываютъ на то, что смертная казнь противорѣчитъ современной цивилизаціи и этическому чувству культурныхъ гражданъ.

Этотъ мотивъ приводитъ Гетцель и отчасти Сергѣевскій.

Я думаю, что нашъ проф. Сергѣевскій за послѣдніе 3 года измѣнилъ свое мнѣніе о значеніи цивилизаціи и о культурности современной интеллигенціи.

Какая же въ самомъ дѣлѣ культурность въ томъ, что порнографическія произведенія Ведекиндовъ, Андреевыхъ, Шницеровъ, Серафимовичей, Гариныхъ, — различные альманахи и прочая того же сорта журналистика — заполняютъ книжный рынокъ и читаются на расхватъ, вытѣсняя и не допуская здоровую молодую литературу: вѣдь не мужики же читаютъ всѣ эти перлы еврейской цивилизаціи и говорятъ на темы „о жизни по ту сторону добра“?!

Какая же цивилизація въ томъ, что окончившій Императорскій Институтъ Инженеровъ Путей Сообщенія, Начальникъ Службы движенія Московско-Казанской желѣзной дороги, И. А. Шибановъ, организуетъ изъ низшихъ служащихъ шайку и совершаетъ кражи и мошенничества на сумму въ нѣсколько миллионовъ рублей; студенты и гимназисты участвуютъ въ разбояхъ, а представители кадетской партіи, *in pléno* (въ полномъ составѣ), аплодируютъ первому извѣстію объ убійствѣ адмирала Дубасова, и ѣдутъ въ Выборгъ, для составленія антигосударственного воззванія?

Какая цивилизація въ томъ, что проф. М. Ковалевскій, Гусakovъ, дворянинъ Скроботовъ, Священникъ Паозерскій и цѣлый рядъ другихъ интеллигентовъ сидятъ или сидѣли на скамьѣ подсудимыхъ за клевету или восхваленіе политическихъ убійцъ, за то, что травятъ въ печати неповинныхъ гражданъ?

Тверского губернатора Слѣпцова, среди бѣла дня, убиваютъ такъ, что кровью и тѣломъ его обрызганъ весь фасадъ дома предводителя дворянства; окончившая гимназистка Спиридонова гоняется съ револьверомъ въ рукахъ по вокзалу за

присяжнымъ повѣреннымъ Лужновскимъ, потому что онъ «Славянофилъ» и, по слухамъ, имѣлъ сильное вліяніе на крестьянъ. Спиридонова его убиваетъ, какъ затравленнаго звѣря, а „передовая“, т. е. еврейская, печать кричитъ о „насиліяхъ надъ Марусей Спиридоновой“, — и въ результатѣ новое убійство, 4-го мая 1906 года, въ Тамбовѣ помощника пристава Жданова, который задержалъ и, если вѣрить той же прессѣ, избилъ «Марусю».

Въ Сорочинцахъ (Полтавской губ.) — бунтъ: убиваютъ пом. пристава Барабаша, прибывшаго съ казаками разогнать революціонный митингъ. Старшій Совѣтникъ Губ. Правленія Филоновъ посылается унять бунтовщиковъ.

Газеты, во главѣ съ писателемъ Короленко, (см., напр., Рѣчь № 106, 8 мая 1907 г., ст. «Осужденіе террора») начинаютъ писать о томъ, что „ст. сов. Филоновъ съ отрядомъ казаковъ наслучаетъ женщинъ и терзаетъ невинныхъ, и что самъ онъ, Филоновъ, билъ и истязалъ невинныхъ людей и отдавалъ ихъ на расправу казакамъ“.

Въ результатѣ — убійство Филонова. И такъ постоянно, до сихъ поръ, на протяжении 3 лѣтъ.

Гдѣ же цивилизація или культурность? Въ Ригѣ, въ 1906 году, мужика вѣшаютъ въ 24 часа за браконьерство (незаконную охоту), а въ городѣ С.-Петербурѣ — террористовъ Гершуни и Носаря Хрусталева наказываютъ такъ, что они, въ концѣ-концовъ, читаютъ лекціи въ Берлинѣ „о вліяніи экспроприацій на эволюцію человѣчества“ или что то въ этомъ родѣ.

Русскій патріотъ Прохоровъ, въ городѣ Елисаветградѣ, „по недоразумѣнію“, арестуется „всего на одинъ день“ прокурорскою властью, сажается въ мѣстную тюрьму вмѣстѣ съ евреями — революціонерами и тамъ до полусмерти избивается ими, ночью, желѣзными прутьями, такъ какъ дверь его темницы „случайно“ оказывается незапертой сторожами; а вотъ съ извѣстнымъ интеллигентомъ — грабителемъ Бѣленцовымъ, который участвуетъ въ ограбленіи Московскаго Общества Взаимнаго Кредита „по порученію оппозиціонной группы с.-р.“, *) обращаются такъ галантно, что везутъ его во 2-мъ классѣ вагона **) и... Бѣленцовъ, разумѣется, „бѣжитъ“ за границу;

*) «Виржевыя Вѣдомости», утренній выпускъ, № 945, 20 Августа 1906 г.

**) Та же газета № 9452.

Прохоровъ же, затѣмъ предается мѣстной бандой революціонеровъ—смерти.

Царскаго генераль-адъютанта Лаунича убиваютъ въ Церкви, а генераль-адъютанта графа Игнатѣева—въ земскомъ Соборѣ; короля Португаліи, Супругу его и Наслѣдника престола, среди бѣла дня, разстрѣливаютъ на улицѣ (19-го Января 1908 г.); во Франціи, въ Клермонъ-Ферранѣ, уважаемый джентльменъ и кандидатъ въ Кавалеры ордена Почетнаго Легіона, изъ семейства Тома, оказывается всю жизнь свою наживающаго богатства, участвуя въ организаціи, которая грабитъ историческія и драгоценныя святыни Церкви, имѣетъ отдѣленія въ Петербургѣ, Лондонѣ и Нью-Йоркѣ, а дѣйствуетъ съ помощью ядовъ, кинжаловъ и шпионства...

Но къ чему, господа, перечислять то, чего невольными зрителями вы являетесь ежедневно и чему уже разучились возмущаться и удивляться?

Человѣчество привыкаетъ ко всему, и, вѣроятно, можетъ примириться и съ терроромъ...

Но при чемъ же тутъ цивилизація и культура?

Мнѣ скажутъ: все это исключенія — это не возводится же въ принципъ?

Къ сожалѣнію, приходится говорить объ этихъ явленіяхъ, именно, принципиально, именно потому, что революціонной европейской и нашей, т. е. еврейской, прессой, эти явленія трактуются, какъ героизмъ и борьба освобожденнаго сверхъ-человѣка съ капиталомъ и христіанскими „предразсудками“!

Вспомните, господа, 1-ую Думу, искреннюю въ своихъ идеалахъ: вѣдь она, въ лицѣ ка-детовъ, требовала амнистии всѣмъ террористамъ, величая ихъ создателями новаго строя и борцами-героями за свободу; почитайте журналъ „Былое“ и подобные ему, гдѣ участвуютъ или со-трудничали даже академикъ П. Вейнбергъ, П. Милуковъ и другіе профессора, наряду съ бывшими убійцами,—и вы согласитесь, что мои слова не противорѣчатъ правдѣ.

Такъ гдѣ же, господа, цивилизація и культура?

Гдѣ то „этическое чувство“ развитой гражданственности, о которомъ свысока толкуютъ нѣкоторые ученые?

Одни жестокіе нравы, господа, и больше ничего: ни тѣни цивилизаціи, никакого воспитанія, чувства гражданственности и уваженія къ ближнему.

Поэтому, говорить о противорѣчии смертной казни за терроръ современнымъ нравамъ людей—не приходится: этотъ доводъ разбивается дѣйствительною жизнью не только за границей, но и въ Россіи.

4) Гизо и нѣкоторые другіе приводятъ, между прочимъ, тотъ мотивъ, что конституціонныя правительства часто мѣняются, а потому тѣ, кто сегодня были политическимъ преступникомъ—завтра уже не преступникъ.

Но мы, монархисты, именно, и боремся противъ того уродливаго государственнаго строя, при которомъ нѣтъ постоянной устойчивой власти, а есть лишь вѣчная борьба за власть, вѣчная смѣна, такъ называемыхъ, „солидарныхъ кабинетовъ“, съ премьерами во главѣ... Мы находимъ такое положеніе вещей въ государствѣ зловерднымъ, волнующимъ населеніе, ничего ему не дающимъ и колеблющимъ Тронъ и законы.

И такъ, этотъ доводъ противниковъ казни за терроръ также отпадаетъ.

Безнародность террора.

Мечтой человѣчества, желаніемъ лучшихъ умовъ его является желаніе видѣть всѣхъ ближнихъ своихъ мудрыми, добрыми и счастливыми; но жизнь разбиваетъ эту мечту: и наряду съ удивительными умами мы видимъ нравственныхъ идіотовъ или людей, крайне ограниченныхъ,—наряду съ изящной простотой, искренностью, любовью и стремленіемъ къ истинѣ—находимъ людей, въ изобиліи надѣленныхъ неуклюжей спѣсью, фальшивой и жестокой душой, и любовью и стремленіемъ къ тому, что тѣшитъ ихъ вульгарные вкусы и личный эгоизмъ... И вотъ неизбежной стихіей поднимается на землѣ борьба...

Не только мы, русскіе, но и всѣ лучшія силы Европы должны выступить на борьбу съ новымъ врагомъ человѣчества, государственнаго порядка и мирнаго развитія—съ *организованнымъ терроромъ*.

Нужно отбросить презрѣнную трусость и національный маразмъ, нужно понять врага, и силою власти убить самый источникъ крамолы.

Преступно подчиниться теперь террору, организованному международными партіями, уже потому, что, кромѣ международныхъ аферистовъ и служителей

ихъ—сознательныхъ и безсознательныхъ, прямыхъ и косвенныхъ, за нимъ никто не стоитъ.

Всѣ послѣднія событія въ Россіи,—1-ая и 2-ая Г. Думы—рѣзко доказали, что террористы и возмутители народныя съ *русскимъ* народомъ (я не отвѣчаю за другія націи) *ничего общаго не имѣютъ*, и только именемъ его прикрываютъ свое дикое варварство и злобу на христіанскую цивилизацію.

Когда, въ іюнѣ и началѣ іюля 1906 года, убійства и грабежи, подъ вліяніемъ *печатныхъ* антирусскихъ рѣчей членовъ 1-ой Думы, приняли чуть не повальный характеръ, а 6-го іюля загорѣлся весь городъ Сызрань, тогда еврейская пресса, чувствуя близкую возможность паденія Думы, стала предостерегать правительство отъ «опаснаго и пагубнаго шага», т. е. роспуска Г. Думы. А между графомъ Витте и Дурново даже состоялось свиданіе въ Женевѣ, и въ тотъ моментъ, когда рѣшался въ Петергофѣ вопросъ объ отставкѣ Горемыкина, они послали туда шифрованную телеграмму, въ которой также предостерегали «Петергофъ» отъ «опаснаго и пагубнаго шага». (Сообщеніе отъ 6-го іюля Парижскаго корреспондента „Русскаго Слова“—Биржевымъ Вѣдомостямъ).

Но вотъ Г. Думу распускаютъ: „Петергофъ“ совершаетъ, такимъ образомъ, „опасный и пагубный для Россіи шагъ“!.. И что же: поднимается народное возстаніе? Вся Россія встаетъ за поправныя права господъ Щепкиныхъ, Винаверовъ и Гессеновъ?

Ничуть не бывало:

Полное спокойствіе. Аграрное движеніе затихаетъ. Всѣ вздыхаютъ свободнѣй. Даже испуганный Аладынь*), въ бесѣдѣ съ журналистами, заявляетъ, что онъ, Аладынь, „употребитъ всѣ усилія къ тому, чтобы сдержать революціонные элементы, такъ какъ считаетъ революцію большимъ несчастьемъ“....

Гдѣ же связь съ *русскимъ* народомъ.

Ея, очевидно, нѣтъ.

Затѣмъ, слѣдуютъ: „Выборгское воззваніе“, „Аптекарьскій Островъ“, убійства—Миша, Трепова, Лауница, Игнатъева, Павлова, Алиханова, Карангозова,—заговоръ на царубійство во 2-ой Г. Думѣ, безконечная вереница убійствъ го-

родовыхъ и членовъ С. Русскаго Народа.

Кто же это совершаетъ?

Русскій мужикъ, мѣщанинъ, работникъ?

Ничуть не бывало: дѣйствуетъ все тотъ же чуждый, иноземный терроръ, освобожденный изъ плѣна русскаго, что и въ 60-хъ и 80-хъ годахъ. Кто указываетъ убійцамъ въ печати «вредныхъ» для революціи гражданъ? Кто травитъ Чухнина, Дубасова, Игнатъева, Лауница, Думбадзе и Гурко? Кто кричитъ въ Думѣ и прокламаціяхъ—«вотъ они, враги земли и воли,—генералы, пристава, попы, городовые, истинно-русскіе,—вотъ они—члены «звѣздной палаты», тираны народныя,—ату ихъ, погромщиковъ,—смерть имъ!»!..

Кто послѣ разгона 1-й Думы распускаетъ слухи до того невѣроятныя, что приходится официально опровергать слухъ о превращеніи Россійскаго Госуд. Банка въ акціонерное учрежденіе съ директоромъ С. Ю. Витте во главѣ («Бирж. Вѣд.» 11 авг. 1906 года, утренній вып., № 9436).

Кто дѣлаетъ все это?—Русскіе люди? Крестьяне, купцы, дворяне?

Конечно, господа, нѣтъ.

Травятъ, клеветаютъ и «пускаютъ слухи» опять все тѣ же „кадеты“, которые теперь такъ лояльны, что громятъ революцію и привѣтствуютъ П. А. Столыпина, все тѣ же «друзья революціи» — профессора, доценты, студенты, повивальныя бабки и евреи.

Гдѣ же, господа, во всемъ лжеосвободительномъ движеніи хотя тѣнь, хотя намекъ на связь съ русской исторіей, съ народомъ русскимъ и съ Россіей?

Ни тѣни, ни намека.

Напротивъ, все «движеніе» есть *отрицаніе Россіи, всей ея вѣковой, самобытной культуры, всей ея насущныхъ интересовъ и нужды!*..

Ни тѣни связи съ *русскимъ* народомъ,—но зато, посмотрите, какая откровенная близость, какое сердечное родство со всѣмъ инородческимъ, иноземнымъ, со всѣмъ—враждебнымъ русской національности.

Главари революціи—кадеты и лѣвые октябристы—этого даже и не скрываютъ: они до послѣдняго времени дѣйствовали совсѣмъ откровенно,—и только теперь, увидѣвъ, что прямая революція въ ближайшемъ, проиграна, надѣли на себя снова таинственную маску «непонятыхъ и лояльныхъ конституціоналистовъ».

*) Аладынь особенно яро призывалъ въ 1-й Г. Думѣ народъ «смести ненавидимое царское правительство и царское Самодержавіе».

Вотъ какъ хвастала газета «Рѣчь» еще 9 мая 1907 года (№ 107):

«...какъ новый финляндскій сеймъ, такъ и Г. Дума связаны въ извѣстной степени историческимъ родствомъ... И новый финляндскій сеймъ и Г. Дума одинаково продукты революціи, дѣти революціи, ихъ соединяетъ общая генеалогія, ихъ связываютъ узы историческаго братства».

Итакъ, вотъ съ кѣмъ въ родствѣ Гос. Дума: съ *финляндскимъ* сеймомъ, съ *финскимъ* народомъ, съ *еврейской* революціей, — а совсѣмъ не съ Россіей, ея Царями и ея народностью!..

Далѣе. Куда идутъ, по разгонѣ 1-й Думы всѣ эти Аладыны, Алексинскіе, Жилкины и прочіе «народники»? Куда ѣдетъ отвести душу, «отдать отчетъ въ приходахъ и расходахъ», г. Милуковъ — глава в.-д. партіи? Развѣ къ народу *русскому* они идутъ? Совсѣмъ нѣтъ: они спѣшатъ прочь отъ Россіи, — туда — въ Лондонъ, Нью-Йоркъ, — къ «*заатлантическимъ* друзьямъ русской свободы» — къ банкирамъ Питсбурга, Бостона и Чикаго, къ господамъ Шиффамъ, Ферганамъ и анархистамъ Уларамъ...

А посмотрите, кого берутъ гг. кадеты — эта голова и хвостъ революціи — подъ свое покровительство, — о чьихъ интересахъ они пекутся въ своихъ докладахъ, газетахъ и на государственной службѣ! Если кто-нибудь думаетъ, что они заботятся о народѣ *русскомъ*, тому мы совѣтуемъ не дремать, лежа все на *левомъ* боку, а повернуться и на *правый* бокъ, и взглянуть другимъ глазомъ на партію оборотней и изуитовъ...

«Еврейскій Вопросъ», «Руссификація Украинъ», «Репрессіи русской администраціи», «Преслѣдованіе инородцевъ», «Еще жертва російскаго варварства» — вотъ статьи, которыми пестрятъ ихъ безчисленныя газеты и журналы, — вотъ, о комъ болитъ ка-детское сердце!..

Два раза, т. е. двѣ долгихъ думскихъ сессіи, — ка-деты принципиально отказывались выразить террору осужденіе, находя его народнымъ и естественнымъ гнѣвомъ противъ Царскаго Самодержавія, доказывая, что лишь благодаря террору родился «великій» Манифестъ 17 октября, что, поэтому, амнистія, а не порицанье должны увѣнчать головы убійцъ и царевъ-убійцъ!

Вотъ, о комъ болитъ ка-детско-еврейское сердце, — а не о *русскомъ* крестья-

нинѣ, не объ его нуждахъ и процвѣтаніи Россіи!..

М. О. Меньшиковъ такъ опредѣляетъ главарей ка-детской партіи: «кадеты сортомъ повыше октябристовъ, они хотя и борются всѣми средствами съ ненавистной бюрократіей, — но сами въ душѣ — химически чистые чиновники, и вся ихъ мечта идетъ не далѣе, какъ съѣсть на голову нынѣшнихъ тайныхъ совѣтниковъ. Вся ка-детская обструкция есть ничто иное, какъ канцелярское междоусобіе: мундирные младо-турки наши идутъ на старо-турокъ, оставаясь правобѣдными мусульманами».

Такой отиѣнный аттестатъ въ общемъ вѣрнѣ, но все же надо *твердо помнить*, что эти господа ка-деты «младо-турки» идутъ на старо-турокъ *не одни*: у нихъ грозная боевая дружина террористовъ. Террористамъ указываютъ ка-деты на энергичныхъ и убѣжденных русскихъ людей, опасныхъ для революціи, для террористовъ при первой возможности ка-деты требуютъ полной амнистіи; ради террористовъ они добиваются отиѣны смертной казни, ибо безъ террористовъ ка-деты безсильны въ борьбѣ съ Самодержавіемъ и властями.

«Народовольцы», бросающіе бомбы въ народъ*), «герои» «Былого» и Геростраты-убійцы — вотъ ка-детская боевая рать, которую тайные и явные главари в.-д. партіи холать и нѣжать въ Россіи, — какъ опытный охотникъ лѣлѣетъ стадо дорогихъ и свирѣпыхъ псовъ, чтобы вдругъ, въ одинъ ясный зимній день, затравить великолѣпнаго русскаго медвѣдя!..

Вотъ, почему еврейско-ка-детская партія является наиболѣе опасной для русскихъ людей: находясь головой своей за границей и отчасти въ Россіи — эта *партія-удавъ* присосалась съ *правою фланга* чуть не къ Царскому Трону! Вспомните, господа б. камергера Набокова, б. министровъ — графа Ивана Толстого, Кутлера, Кауфмана, б. директора д-та полиціи и эстляндскаго губернатора А. А. Лопухина, б. тов. мин. внутр. дѣлъ и бессарабскаго губернатора кн. Урусова, князей Долгору-

*) Весною 1906 года, брошенной у Городскаго Собора въ гор. Севастополя бомбой въ губернатора, было убито и ранено свыше 50 человекъ простыхъ русскихъ людей — крестьянъ, женщинъ и дѣтей. Очевидецъ рассказывалъ мнѣ, что при очищеніи площади отъ массы крови и труповъ — дворники и санитары дѣйствовали лопатами, загребая человѣческія и дѣтскія руки, ноги.

ковыхъ и длинный списокъ другихъ, чьи имена известны многимъ изъ насъ, но назвать которыхъ мы даже не смѣемъ ибо эти имена, эти люди наряжены въ другую одежду, болѣе приличную чѣмъ кадетская и даже болѣе почтенную, чѣмъ римская тога господъ октябристовъ, о которой говорилъ Пуришкевичу почтенный Плевако!

Вспомните, господа, все это забытое — и вы согласитесь со мной, что самая опасная и ядовитая для Россіи партія есть партія конституціонно-демократическая и къ ней примыкающія.

Итакъ, господа, ни террористы, ни ихъ главари въ Россіи — не имѣютъ никакой связи съ русской націей, а напротивъ опираются на кучку международныхъ богачей-аферистовъ, имена которыхъ хорошо известны Союзу Русскаго Народа и, къ сожалѣнію, мало знакомы или даже неизвѣстны непосредственнымъ исполнителямъ партійныхъ убійствъ: ибо, какъ вы помните, конспиративный принципъ требуетъ, отъ чернорабочихъ революціи лишь слѣпого подчиненія приказаніямъ ближайшихъ и дальнѣйшихъ агентовъ, командироваемыхъ центральными органами террора.

Парламентъ — источникъ смутъ, террора и казней.

Я не стану, господа, останавливаться больше на метафизическихъ или чисто-юридическихъ доводахъ противниковъ смертной казни за терроръ, тѣмъ болѣе, что главнѣйшіе изъ нихъ я привелъ; я не стану искать даже опоры у такихъ авторитетныхъ ученыхъ и дѣтелей, какъ Давидъ Фридрихъ Штраусъ *), Джонъ Стюартъ Милль **) или Бисмаркъ ***), которые находили неизбежной и разумной смертную казнь за тяжчайшія преступленія, — такъ же какъ итальянская школа антропологовъ-криминалистовъ, во главѣ съ Ломброзо, — я не нахожу нужнымъ опираться въ данномъ вопросѣ на мнѣнія этихъ почтенныхъ ученыхъ, потому что представляю себѣ смертную казнь совершенно неизбежной въ возникшей борьбѣ съ терроромъ.

Если дикихъ звѣрей находятъ возмож-

нымъ содержать въ хорошихъ клеткахъ, то поступать такъ же съ человѣкомъ-звѣремъ невозможно, именно, потому, что этотъ звѣрь-человѣкъ надѣленъ человѣческимъ острымъ умомъ, хитростью, коварствомъ или смекалкой, — потому что за этимъ „звѣремъ“ стоятъ могучія международныя партіи, — богатая, вліятельная и жестокая!

Убѣжденный звѣрь-человѣкъ въ тысячу разъ опаснѣе звѣря животнаго. Въ этой опасной борьбѣ съ человѣкомъ-звѣремъ — я желаю бы видѣть правителей, преданныхъ Самодержавному Царю и Родинѣ, мужественными и закаленными.

Всякая уступка, всякая поблажка *вожсакамъ* террора — есть Мукденъ, всякій компромиссъ — есть Портъ-Смуть.

Государствомъ должна править не наука и теорія, а гражданская доблесть и житейская мудрость.

У руля правительственной власти не должно быть людей „и нашимъ и вашимъ“, людей „такъ себѣ“, „милыхъ, приличныхъ“ и только...

Нѣтъ! Желѣзные русскіе рыцари, стальные характеры нужны для борьбы съ человѣкомъ-звѣремъ. Никакія конституціонныя гарантіи, никакія свободы и ма-сонскія лжеученія не спасутъ національную власть отъ гибели или унижительнаго подчиненія „заокеанскимъ друзьямъ русскаго освобожденія“.

Власть не должна узаконять вырваннаго у ней терроромъ. Государственная Дума и правительство пойдутъ противъ русскаго народа и Самодержавнаго Царя, если, и въ дальнѣйшемъ, оставятъ газетный и книжный рынокъ во власти еврейства, порнографіи и революціи. Государственная Дума и правительство погубятъ страну, если въ ближайшей дѣятельности своей, оставятъ „еврейскій вопросъ“ открытымъ, если высшія школы, находящіяся во власти с.-р. и с.-д., подъ руководствомъ кадетовъ, бросятъ на произволъ судьбы, если, наконецъ, будутъ по-прежнему казнить лишь „чернорабочихъ“ террора, оставляя источникъ его безъ фильтраціи и соблюдая въ отношеніи его всѣ пункты англійскаго „habeas corpus“.

И пока Госуд. Дума и правительство не встанутъ смѣло на путь національной русской политики, пока они не разрѣшатъ открыто указанныхъ вопросовъ — русскіе люди не въ силахъ отнестись къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ, потому что не въ силахъ Россія примириться

*) См. Введеніе, Отдѣлъ Литература настоящаго доклада, соч. Штрауса „О старой и новой религіи“.

**) См. тотъ же Отдѣлъ доклада.

***) Тамъ же.

съ указаннымъ настоящимъ ея положеніемъ!..

Пусть насъ судятъ и клеймятъ не только лѣвыя газеты, но и октябристы и умѣренно-правые, но молчать и киснуть въ еврейско-масонскомъ болотѣ Россія не въ силахъ.

Мы слишкомъ предвидимъ будущее православной, земледѣльской Россіи, чтобы молчать, когда въ Россіи насаждается народное представительство, *въ формѣ партій—въ формѣ парламента*, ²⁴ ведется исключительно фабричная политика, съ открытой еврейской пропагандой во главѣ.

Мы не можемъ молчать, потому что не видимъ почвы, для насажденія въ Россіи масонской конституціи, и считаемъ гибелью для Единства Россіи и благополучія народа Русскаго ограниченіе власти Самодержца властью богатѣйшихъ партій.

Мы утверждаемъ, что для укорененія парламента въ Россіи—приходится совершенно отбросить всю прошлую жизнь Россіи, и трактовать ее, какъ какую то *tabula rasa* (голую доску), на которой можно писать все, что угодно.

• Одной любви къ евреямъ, латышамъ, шведамъ и европейскимъ банкирамъ—слишкомъ недостаточно, чтобы превратить Россію въ какое то другое государство, вычеркнувъ изъ него самое слово „Самодержецъ“, какъ сдѣлали „октябристы“; вѣдь, для передѣлки заново такой машины, какъ русскій народъ, по англійскому образцу, однихъ бомбъ, стадныхъ теорій, золота и вранья на русскихъ людей, какъ будто бы, господа, слишкомъ ужъ маловато... Расчитывать же непрестанно на думскіе скандалы, газетныя сплетни, на глупость, слѣпоту и самоувѣренность русской молодежи—мнѣ думается—и вовсе рискованно: проснется же она когда нибудь отъ еврейско-масонскаго хлороформа и скажетъ: полно насъ дурачить,—мы русскіе, и Россію, съ ея богатствомъ, ваять, мировымъ заговорщикамъ, не отдадимъ“...

Вѣдь проснется же когда нибудь оскорбленная гордость Россіи и заговорить такимъ яснымъ языкомъ съ Европой, бюрократами и враною, что ужъ ни хлыщеватыя замѣтки Александра Столыпина,

ни откровенность Милюкова и еврея Улара, ни блестящія рѣчи тѣхъ, кто любитъ „конституцію“ съ такимъ пыломъ, что во 2-ой Думѣ оказываются членами 55 заговорщиковъ на священную жизнь Царской семьи, а въ странѣ царятъ произволъ и насилія,—не помогутъ врагамъ Самодержавія.

Я убѣжденъ, господа, что Россія не только заговоритъ яснымъ языкомъ съ вожаками террора и партійной конституціи, но что она, въ лицѣ Союза Русскаго Народа, уже заговорила...

Пусть же насъ судятъ и клеймятъ, кому нравится это, но пусть помнятъ наши враги, что мы—живые люди, а не канцелярскіе или динамитные автоматы, и на каждое явленіе жизни мы реагируемъ, мы отвѣчаемъ: на боль мы отвѣчаемъ крикомъ, на клевету—судомъ, а на терроръ—мы *вынуждены* отвѣчать—смертной казнью!..

Въ Аѳинахъ, господа, былъ законъ, грозившій смертной казнью тому, кто предложитъ законъ, несогласный съ общественнымъ интересомъ... Намъ бюрократія и еврейская Европа навязываютъ конституцію, *въ формѣ парламента*, т. е. законъ, *пріятный для вожаковъ террора и небезопасный для Россіи*...

Я думаю, господа, что мы имѣемъ за собою все нравственное право не принять его и отстоять Неограниченное Самодержавіе Русскихъ Царей. . . . .

Въ колоколъ, мирно дремавшій, съ налета тяжелой бомба Грянула. Съ трескомъ кругомъ отъ нея разлетѣлись осколки. Онъ же вздрогнулъ — и къ народу могучіе мѣдные звуки Вдаль потекли, негодуя, гудя и на бой призывая.

А. Толстой.

Отказываться отъ „боя“, когда брошенъ открытый вызовъ русскому Самодержавію и Русской Народности, —идти, подъ давленіемъ врага, съ врагомъ же въ *парламентскій* Портъ-Смуть—я считаю позорнымъ, гибельнымъ и недостойнымъ Русскаго человѣка.

Вячеславъ Веножинскій.

